

18+

ОЛЕГ РОГОЗИН

ПЕРВАЯ КРОВЬ ОСЕНИ

Олег Рогозин

Первая кровь осени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49789999

ISBN 9785449804211

Аннотация

Прошлое неопределенно и зыбко, чуть приглядишься – рассыпается на цветные осколки, точно разбитый витраж. Будущее не разглядеть в густом тумане, что укрыл зеленые холмы Ирландии. В настоящем же – один бывший полицейский, начинающий жизнь с чистого листа, его напарник, любитель страшных сказок, и ведьма-викканка, мечтающая возродить древнее искусство. А в темных городских подворотнях кружат в хороводе осенние духи, воспевая хвалу Матери. И не каждый уйдет живым с кровавого праздника урожая. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Wyrð (Пустота)	5
2. Подвал на Тока-Куэй-роуд	43
3. Eihwas (Граница)	59
4. Осенняя ярмарка	85
5. Perth (Тайна)	105
6. Старая Тоирис	127
7. Inguz (Зерно)	144
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Первая кровь осени

Олег Рогозин

© Олег Рогозин, 2020

ISBN 978-5-4498-0421-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Wyrд (Пустота)

«Мне больше некуда идти».

Люди любят эту изрядно потасканную фразу за драматизм, за едва уловимый холодок, пробегающий по коже, сквозняк из приоткрытой двери, ведущей в ледяную бездну равнодушия и одиночества, о которой с таким знанием дела писали европейские философы-экзистенциалисты. Однако, насладившись острыми ощущениями не более секунды, любой нормальный человек вернется к успокоительной иллюзии своего стабильного и безопасного бытия. Захлопни дверь, приятель, из нее дует. Если, конечно, ты не европейский философ-экзистенциалист, или, скажем, бывший наркоман, стоящий на пороге реабилитационного центра – спиной к двери, не метафорической, а вполне реальной, лицом к пасмурному осеннему дню.

Мэтт привычно потянулся к нагрудному карману куртки, выругался вполголоса, вспомнив, что сигарет там больше нет, да и быть не должно. Личные вещи ему вернули, но сигареты к ним, видимо, не относились. Личные вещи – звучит странно для человека, который никак не соберет воедино осколки того, что считал своей «личностью». Не так уж много от нее и осталось.

Он шагнул на ступеньку ниже, потревожив на миг легкий

ворох осенних листьев. Ветер тут же прилежно вернул их на крыльцо, воссоздавая исчезнувшее было ощущение заброшенности. Словно Мэтт был первым человеком на этих ступеньках за долгое, долгое время.

«Я не хочу, чтобы ты приближался к нашим детям, ты, грязный ублюдок».

Что составляет нашу личность? Привычки, привязанности. Работа. Семья. Принадлежность к социальным группам и классам.

«Позор для нашего департамента – такие, как ты».

Уверенность в завтрашнем дне. Цепочки причин и следствий, которые мы выстраиваем в голове. Планы на двадцать, тридцать лет вперед.

«Товар высшего качества, валяй, сними пробу, не пожалеешь»...

В кармане обнаружился пакет с документами, предусмотрительно обернутый в целлофан. Несколько крупных купюр – хватит на междугородний автобус. Можно вернуться в квартиру, из которой тебя вышвырнули, и попробовать убедить бывшую жену, что стал другим человеком. Явиться

к бывшим коллегам и многословно поблагодарить их за то, что наставили на путь истинный, так сказать, вовремя пресекли и куда надо сообщили.

«Это так шокирует, правда? Когда полицейский, имеющий дело с наркоторговцами и наркоманами, начинает проговаривать „товар“? А чего вы, собственно, ждали?»

Мэтт не сразу сообразил, что понятия не имеет, в какой стороне автобусная остановка. В том состоянии, в котором его привезли сюда несколько месяцев назад, ориентировка на местности была, мягко говоря, не самым важным приоритетом. Стоило остановиться и подумать, однако ноги упрямо несли его вперед. Слишком уж соблазнительной была аллея, усыпанная листьями. После опостылевших больничных коридоров она казалась почти бесконечной. Глоток свободы перед добровольной сдачей в очередной плен – почему бы и нет? Все равно эта аллея рано или поздно выведет к трассе. Все дороги ведут либо к трассе, либо, в конечном счете, к океану – в этом счастье и проклятие жизни на острове.

В куртке, меж тем, обнаружилось что-то лишнее – прямоугольный сверток, провалившийся в дыру в кармане и застрявший за подкладкой, упирался в бедро при ходьбе. Пришлось изрядно повозиться, чтобы вытряхнуть его на свет божий.

– Твою ж мать, – пробормотал Мэтт, рассматривая помя-

тую книгу в «карманном» переплете. Было бы так в духе медсестер из центра – подсунуть ему Библию или молитвенник, но это?

– Да пошел ты, – сказал он растерянно, читая вычурное двойное имя Дэвида на обложке. В какой такой период помутнения сознания он успел купить эту книгу, раз она оказалась в его «личных вещах»? Точно ведь не собирался. Не хотел даже слышать ничего о бывшем напарнике.

Он просто «сломался» после той истории, говорили они. Психологическая травма после ранения, говорили они. Да пошли они, вместе с Дэвидом. Ясно как день – парню просто надоело светить рожей в ночном патруле, не имея возможности даже отстреливаться. Серьезно, какой придурок выдумал эту «Гвардию покоя»? Скользкие темные улицы портовых кварталов, пристанища самого гнусного отребья и площадки для игр международной мафии... И ты на посту, этакий воин света с фонариком и блокнотом, положенными по регламенту, в ярком светоотражающем жилете, на котором не хватает лишь нарисованной мишени. Отступать некуда, за тобой – насквозь коррумпированные бюрократы из центрального управления, за тобой – мирное население катящейся неизвестно куда страны... толпа доброжелательных идиотов, трогательно гордящихся своей историей и своим пивом, рассуждающих о взлете экономики и живущих в кредит...

«Видишь, какая штука, Дэйв. Из нас двоих я больше го-

жусь в философы-экзистенциалисты. А книги писать почему-то взялся ты. Что-то здесь не сходится».

Заднюю обложку украшали рецензии каких-то малоизвестных журналов. «Выход за пределы обыденности», «сокрытое под пеленой бытия» и прочий словесный мусор. Взгляд выхватил строчку «поселился в небольшом городке на северо-западе...» Мэтт перечитал абзац, замедлив шаг.

Такие вещи обычно не пишут на обложках книг, или это новая мода? Вроде как «приезжайте на чашку чая, дорогие читатели»? А ну как возьмут и приедут... все одновременно. Тираж-то не маленький.

Меж тем аллея действительно привела его к трассе. Влажное от недавнего дождя полотно дороги терялось в тумане вместе с дальними холмами. Поймать автобус или попутку – и домой... Слово «дом» застряло в голове, мысль забуксовала, не находя в памяти подходящего образа.

Что такое «дом»?

...Утренняя суета – дети проснулись и планомерно превращают дом в руины. Мэл готовит завтрак, беззлобно ворча на окружающих. Мэтт затягивает галстук под воротом рубашки...

Ничего не шевельнулось в душе, там, где раньше находилось что-то важное, а теперь нехотя перекатывались остыв-

шие угли, словно в нечищенном с весны камине.

Лениво, нарочито медленно Мэтт пересек дорогу, и ни одна машина не вынырнула из тумана, чтобы прервать его мрачные размышления самым радикальным из способов. Он замер на узкой обочине, бездумно листая книгу и не решаясь почему-то прочесть ни строчки.

Белый «пикап» остановился рядом с ним.

– О, вы голосуете, верно?

Чистый британский выговор сбил его с толку – Мэтт даже не сразу понял, чего хочет эта женщина.

«Если бы я голосовал, я бы поднял руку, вам не кажется?» – ядовитый ответ уже почти сорвался с губ.

– Мне нужно... на северо-запад.

Голос был его, слова – будто родившиеся не в голове, а сгустившиеся из вездесущего тумана вокруг. А что, пусть будет так, неплохо для начала. Есть дорога и есть направление, и это неизмеримо больше, чем то, что было у него еще полчаса назад.

Пара, подобравшая Мэтта, оказалась до отвращения дружелюбной. Они впервые выбрались так далеко от дома, и непосредственно восхищались всем, что видят вокруг. Как будто бы у них другие туманы, или трава растет в противоположном направлении, честное слово.

– О, это же настоящие развалины замка! Ах, милый, посмотри, овечки пасутся!

Мэтт сопел на заднем сиденье, натужно улыбаясь,

и с хладнокровием патологоанатома исследовал еще одну сторону своей вновь обретенной личности под названием «мизантропия».

Они остановились на ночь в гостинице на окраине небольшого городка. У них были на это деньги. Мэтт вежливо попрощался, перед уходом попросив ненадолго карту. Причудливый узор дорог будто мгновенно отпечатался под веками, стоит прикрыть глаза – вот он, сияет и пульсирует, как заполненная кровью сеть сосудов. Думать над этим феноменом не хотелось, вообще ничего не хотелось – только двигаться дальше, не прерываясь на глупости вроде еды или сна.

«Наркоман – это на всю жизнь, это не лечится. Ты просто сменяешь зависимость на менее разрушительную».

Стоянка перед неприметной ночной кафешкой была забита массивными машинами дальнобойщиков. Мэтт прошелся между белоснежными громадинами рефрижераторов на колесах, с опаской поглядывая по сторонам – на мгновение ему показалось, что вокруг вздымаются ледяные бока айсбергов, которые вот-вот сомкнутся, ломая и круша кости зазевавшегося ничтожного человечка. По сравнению с этими монстрами обычный крытый грузовик показался почти родным и уютным. Мэтт заглянул в кабину, запрокинув голову. Седой краснолицый водитель настороженно глянул на него в ответ.

– Далеко едешь, отец? – спросил Мэтт, старательно копируя «деревенский» выговор и безбожно «глотаю» гласные.

Люди невольно расслабляются, услышав, как ты коверкаешь чопорный английский, мешая его с родным гэльским, и заподозрят тебя во всех грехах, стоит тебе начать плевать-ся во все стороны безупречными дифтонгами. Это у народа в крови, это почти инстинктивное, и чем дальше на запад, тем вернее этот принцип. Так говорил Дэйв, и успешно претворял в жизнь свою параноидальную теорию, прикидываясь «парнем из глубинки» перед мало-мальски незнакомыми людьми – при том, что запросто мог говорить, как хренов лорд, если в том была необходимость.

– До самого океана, – ответил дальнобойщик, ухмыляясь.

– Туда-то мне и надо...

Это было слишком легко, словно во сне. Впрочем, временами Мэтт и правда проваливался в сон. Моргнул – и холмы сменились хвойным лесом, ночь сменилась утром, дождь оmyвает лобовое стекло, а книга в кармане больно впилась в бок острым углом переплета.

Да пошел ты, Дэвид Киллоран или как там тебя нынче зовут.

Как они ржали, все в центральном офисе просто по полу катались. Дэйв написал книгу, вы подумайте. Наш протодушный работяга Дэйв и вдруг – писатель. Не иначе

как решил издать сборник анекдотов, подслушанных в пабе на углу. Эй, Мэтт, твой кореш точно пулю в руку получил, а не в голову?

«Пошли вы нахер», – неизменно отвечал Мэтт. «Никакой он мне не кореш, и книжку я его не читал и не собираюсь».

Потому что он бросил меня в этом дерьме, бросил и сбегал. Все меня бросают рано или поздно. В детстве – отец, потом – напарник и друг, теперь вот – Мэллори, любовь всей моей жизни, мать моих детей, видеть меня не желает. А пошла бы она нахер, вот так, да.

Потом они вдруг перестали смеяться, потом они вдруг стали ужасно серьезными, подходили по одному и спрашивали, каждый сукин сын счел своим долгом спросить: «А ты знал, какие у него проблемы с головой?»

Книжку прочли, видимо.

«Пошли вы нахер».

«А теперь и у тебя проблемы с головой, дружище, и кто бы смог внятно объяснить, зачем один псих едет к другому, потому что я не возьмусь, пусть я и твой внутренний голос, я не хренов гугл, я не знаю всех ответов.»

В свое время Мэтт не видел ничего плохого в том, что в напарники ему достался флегматичный деревенский увалень. К черту тонкочувствующих интеллектуалов, он сам

по юности успел вдоволь наиграться с этим амплуа, и вылететь из колледжа ему это ничуть не помешало.

«Дэйв парень хоть и недалекий, зато верный и надежный», – говорил он будущей жене через пару месяцев после знакомства с напарником.

«Пригласи его на ужин», – сказала Мэл. Они тогда только съехались, и Мэл старательно осваивала новую для себя роль «хозяйки очага», устраивая по любому поводу «торжественный семейный ужин».

Классическая сцена из голливудского детектива. В следующем эпизоде они должны найти чью-то голову в мусорном баке.

А в реальности случилась массовая облава, ловили кого-то чуть ли не с Интерполом, патрульных кинули на усиление, хотя толку от них, прямо скажем, было немного. В итоге они с Дэвидом ночь просидели в машине, периодически произнося в рацию бессмысленный код и пристально глядя на освещенный участок перед домом одного из подозреваемых. Никто так и не появился, и ночь имела все шансы стать одной из сотни таких же, скучных и бессмысленных. Но тут Дэйв, руководствуясь своей долбанутой логикой, решил, что настало время тыкве превратиться в принцессу, и начал болтать. Он болтал, а Мэтт ловил отвисшую челюсть далеко под сиденьем и почти всерьез прикидывал шансы на то, что его напарника похитили фейри, подсунув взамен какого-то особенно хитрого дьявола из своего племени. Сколько мож-

но таскать деревенских детишек, настало время внедряться в силовые структуры, действительно.

Но если так, откуда этот дьявол успел узнать всю подноготную их отдела?

Нет, это Дэйв, вежливый новичок с деревенским выговором, вдруг сменившимся хорошо поставленной речью, именно Дэйв все это время следил за своими коллегами, подмечая мелочи и тонкости, незаметные детали и косые взгляды, запоминая разговоры, которые даже не приходилось подслушивать – его довольно быстро привыкли воспринимать как бессловесную и исполнительную «мебель».

И теперь в форме обычного дружеского трепа он решил изложить напарнику всю подноготную их начальства. Кто с кем спит, кто куда сливает информацию, кто, сколько и от кого «берет на лапу». И все это – с улыбкой, с шуточками, отмахиваясь от комментариев, мол, это же очевидные вещи, было бы о чем говорить. Мэтт и сам замечал кое-что, но Дэвид его поразил. Он как будто воочию видел скрытые связи между людьми, предметами и событиями.

– Тебе бы в детективы с таким талантом...

– Может, и пойду, – ответил незнакомец с лицом его напарника. – Когда-нибудь.

– Одного не пойму, нахрена ты мне это все рассказываешь?

– Да потому что я тебе доверяю, только и всего. Ты-то парень простой, никаких скелетов в шкафу, верно?..

Гром грянул через пару месяцев. Старик Мерфи пошел на повышение. В зал для собраний набилась тьма-тьмушая народу, высокое начальство в блестящих погонах, даже парочка журналистов, которым не о чем больше было написать в ежедневный выпуск. Мерфи произнес благодарственную речь, а потом Дэвид встал и мягко, вежливо, не забывая по-деревенски сокращать гласные, поинтересовался, будет ли тот в новой должности продолжать взаимовыгодное сотрудничество с Даффи, воротилой наркобизнеса, чей фоторобот регулярно присылают нам из штатовского ФБР.

Поднялся шум, через пару дней Мерфи куда-то исчез, а Дэйва затащали по высоким кабинетам. Департамент затаился, ожидая развязки. «А дурачок-то наш не промах», шепотом говорили одни. «Совсем у него мозги отшибло», бормотали другие. Многие ждали, что карьера Дэвида теперь пойдет в гору, однако тот, как вскоре выяснилось, не стал просить для себя никаких привилегий и бонусов. В итоге все ограничилось благодарностью в личное дело и небольшой премией. Все окончательно убедились, что парень прост, как сосновое бревно.

«Да он меня просто выбесил», – сказал Дэвид. На премию они с Мэттом купили ящик пива и уехали за город. Из пустых банок вышла отличная пирамида, символизирующая их презрение к системе – по крайней мере, так утверждал Мэтт. Пирамида была расстреляна комьями земли в знак того, что систему нужно сломать, – по крайней мере, так обос-

новал этот жест Дэвид. Они становились теми еще анархистами, сбросив форму, а что толку-то. Всегда приходило время надевать ее обратно.

«Знаешь, когда человек все время лжет, он как будто вонять начинает. Пропитывается этой ложью, как грязью. С Мерфи невозможно находиться в одной комнате, я просто задыхаться начинаю, веришь?»

Мэтт верил. С первого дня, иррационально и бессмысленно, как не верил даже школьному пастору в детстве.

«Черт бы тебя побрал, Дэвид. Как ты мог оставить меня с ними? Они все пропитаны ложью и страхом, я тоже стал это чувствовать, стал задыхаться, вот и начал забивать ноздри всякой дрянью, а потом...»

Самооправдание – не выход, говорили в клинике. Признай свою вину. Это ты проявил слабость, это ты сдался, ты и только ты принял добровольное решение сбежать от жизни в иллюзорный мир, порожденный химическими реакциями в клетках мозга.

А впрочем, мысль это тоже, говорят, химическая реакция. Электрический разряд. Как молния, только крохотная, уместяющаяся под черепушкой...

Стоило ненадолго прикрыть глаза, и что-то вновь поменялось, даже воздух, просачивающийся в неплотно прикрытое окно кабины, сменил вкус и запах.

– Хотел увидеть океан, а? – водила насмешливо глянул на него.

Мэтт заворочался, озираясь. Сколько же он провел в тяжелой полудреме на самом деле? За окном был типичный прибрежный пейзаж: нагромождения скал и валунов, поросшие низкой травой, и где-то за ними – серая вода с белыми языками пены.

– Мне нужно было выйти на повороте...

– Повороте куда?

Название маленького городка, где укрылся от мира модный писатель, любимец снобов из литературных журналов, как назло, выскочило из памяти. Мэтт несколько раз беззвучно раскрыл рот, как выброшенная на берег рыба, но не смог издать ни звука.

– Большой, что ли, – констатировал его спутник и затормозил. – Вали-ка ты искать свой поворот, пока не уехал хер знает куда. Мне еще добрую сотню километров пилить.

– Куда, я, блин, пойду? Завез меня в какие-то ебеня, и рад... – вяло возмутился Мэтт, открывая дверь. С тем, что придется неизвестно сколько топать обратно по трассе, он уже смирился. А вот мощный пинок под зад стал неприятной неожиданностью. Падать с высоты кабины грузовика – не смертельно, даже головой на камни. Наверное, не смертельно, раз Мэтт успел подумать об этом, и даже подняться, опираясь на содранные ладони.

– Мудила ты неблагодарный, – водитель захлопнул дверцу и тронулся с места.

Мэтт хотел крикнуть вслед что-нибудь подобающее случаю, но очумевшая память не сподобилась подсунуть ему хоть какое-то мало-мальски заковыристое ругательство. В голове вертелась только идиотская поговорка из арсенала Дэвида: «Чтоб тебя кошка сожрала, а кошку ту черти унесли». Дэйв говорил, так ругалась его бабка. А Мэтт смеялся как припадочный, особенно после второй-третьей рюмки, и предлагал дать новую жизнь этому сокровищу местного фольклора, описав подробнее дальнейшую судьбу кошки. Вот, например: чтоб тебя кошка съела, а кошку ту украли наркокурьер, набил ее брюхо пакетами с героином, повез через границу да спалился, таможенник отобрал кошку, сделал из нее чучело, а дом его подожгла мафия, и чучело сгорело, а пепел бросили в мусорку, а в мусорку попала ракета...

Выслушав версию, где бессмертная кошка сражалась с захватчиками из другой галактики, Дэйв сказал, что ему на сегодня уже хватит, и потащил домой, и сдал на руки ехидничавшей Мэл. Сам он умудрялся знать свою меру, и за исключением пары случаев в основном оставался на ногах к концу попойки. Странно для ирландца в хер знает каком поколении, говорил Мэтт. Смотри, мои родители переехали сюда всего два десятка лет назад, а я уже заправский «пэджи», даром что не рыжий...

Через пару километров прибрежные скалы ненадолго

уступили место отмели, усыпанной мелкой галькой, и Мэтт не удержался от искушения, спустился к воде, умылся, вздрагивая от прикосновений к коже холодной влаги.

Что за странная блажь – увидеть океан, в самом деле. Можно подумать, он не видел его в родном городе. Пусть и под иной личиной, в липких татуировках мазутных пятен, молчаливо и жадно глотающим трупы негодных кому-то из местных банд мелких чиновников, с одинаковым равнодушием качающим на волнах рыболовецкие суда и катера контрабандистов...

Что за дурость – пересекать остров из одного конца в другой, чтобы умыться? Символический акт воспаленного подсознания? Вроде как – смотри, парень, ты дошел до *самого края*. Дальше ничего нет, понимаешь. Тебе едва перевалило за тридцатник, еще не возраст Христа, но уже не возраст Кобейна, и вот – ты разрушил свою жизнь, отрекся от самого себя, был погребен и на третий, а может, сто тридцать третий день выполз на свет в разорванном саване. Омывать ладони в океане.

Мэтт поднял руку, рассматривая сбитые костяшки пальцев. Вода размыла уже подсохшую кровь, и ярко-алая, невозможно алая капля медленно ползла по тыльной стороне ладони. Только сейчас он понял, что последние два дня не различал оттенков окружающего мира. Информация о них достигала мозга, но не обрабатывалась – как-то так, наверное. А сейчас цвет бесцеремонно ворвался в сознание, самый

первый и важный из цветов.

Он зашел в воду по колени, наклонился вперед, глядя своенравные «барашки» волн по ускользящей шкуре.

– Твою ж мать, – сказал человек океану. – Я живой.

Так бы и стоял вечность, не чувствуя ног, растворяясь в горьковато-соленой воде, бесстрашно глядя в напоздающий туман. Только что-то завозилось на границе поля зрения, насторожило, заставив обернуться.

Женщина в мешковатом платье стирала что-то у самого края воды... а нет, полоскала в океане ветхую рыболовецкую сеть. Спутанные космы и ключья тумана надежно скрывали ее лицо, но узловатые руки коварно выдавали возраст.

– Простите, – Мэтт развернулся, нехотя выходя из воды. – Я мешаю, наверное.

Старуха на мгновение подняла глаза, и меж прядей волос мелькнуло лицо, обезображенное временем и чем-то еще, видимо, ожогами. Мэтт снова пробормотал извинения и почти бегом вернулся к трассе, вздрагивая от налетающих порывов холодного ветра. Идея купания в одежде уже не казалась столь привлекательной, как полчаса назад.

– Кого тут местные ловят у берега, интересно? Морских ежей? – поинтересовался он полчаса спустя у очередного дальнобойщика, милосердно подобравшего промокшего путника. В этот раз Мэтт попытался учсть свою ошибку и сразу завязать с водителем приятельский треп.

– Какие ж тут местные, – ответил водитель, молодой па-

рень в бейсболке с логотипом какой-то американской компании. Орущий из динамиков шепелявый голос Вон Jovi подтверждал, что временный благодетель Мэтта грезит о жаркой Калифорнии, что где-то на противоположном конце земного шара. – Тут и поселков-то нет до самого Клиффдена.

– Женщина кого-то ловила сетью, – пояснил Мэтт. – Там, где ты меня подобрал.

Парень только пожал плечами, всем видом демонстрируя, что ему, в общем-то, плевать.

«I finally found my way, say goodbye to yesterday//Hit the gas, there ain't no brakes on this lost highway» – хрипло похвастался американец из динамиков.

«Да пошел ты», – мысленно ответил ему Мэтт и, окончательно отчаявшись завязать разговор с водилой, вынул из кармана потрепанную книгу. Открыл на середине и попытался вникнуть в происходящее.

– О чем пишут? – неожиданно заинтересовался дальнобойщик.

«...видел, как воздух заполняется прозрачными сферами, они толкаются, мешая друг другу, проходят насквозь...» – вещал со страниц какой-то псих. Мэтт прикрыл книгу, заложив ее пальцем, посмотрел на обложку.

«Первая кровь осени». Что, черт возьми, Дэвид хотел этим сказать?

– Ну... тут, в общем, про выход за пределы обыденности, м-да. И про сокрытое под пеленой бытия, – процитировал он

на память, чувствуя себя полным идиотом.

Парень за рулем наморщил лоб, точно пытаясь добавить к своим немногочисленным извилинам еще несколько, только снаружи.

– Фэнтези, значит.

– Скорее детектив, – ответил Мэтт, изучая обложку. То, что валялось в куче осенних листьев, сильно походило на труп, или же художник был редкой бездарью. Ну, если книгу написал бывший полицейский, и в названии есть слово «кровь», глупо было бы искать под обложкой сентиментальный роман или что-то типа того, верно?

– А я вот книжки не люблю, – доверительно сообщил ему водитель.

– Понятно, – сказал Мэтт. Подумал и убрал многострадальный томик обратно. Еще не время.

Дождь застал его аккурат на въезде в город, под табличкой с названием, где любитель американской культуры его и высадил. Накинув на голову капюшон, Мэтт без колебаний свернул на то, что подразумевалось здесь под главной дорогой... и обещало вскорости безнадежно размокнуть. Не похоже, чтобы город – или даже скорее, поселок – жил насыщенной культурной жизнью.

«Отлично, и каков наш дальнейший план?» – спросил он себя, рассматривая невзрачные вывески редких пабов на центральной улице. Вряд ли хорошая идея – ввалиться в питейное заведение и начать расспрашивать, где тут у них

писатель живет. Знал он эти маленькие городки, здесь каждый кому-то троюродный брат, все друг за друга горой и чу- жаков ох как не любят...

Буквы на одной из вывесок были удачно стилизованы под руническую вязь. Мэтт пригляделся и понял, что это вовсе не бар – сквозь мутное от дождя стекло виднелось убранство экзотического магазинчика.

Страхивая воду с куртки, он нырнул под козырек навеса и потянул на себя скрипучую дверь.

Теплый воздух тут же окутал его, ворвался в ноздри непривычной смесью восточных ароматов. Над головой мелодично зазвенела конструкция из металлических трубочек – кажется, такие штуковины продавали в китайском квартале.

– Вам чем-нибудь помочь?

За прилавком будто пламя полыхало – настолько рыжими были волосы продавщицы. Мэтт даже не сразу разглядел ее лицо, засмотревшись на волосы. Еще один цвет ворвался в его сознание, бесцеремонно расталкивая по углам накопившуюся серость. Красный, оранжевый – идем по порядку, с начала спектра, все правильно.

– Если честно, да, вы могли бы мне помочь. Мне нужно, как же там было-то... выйти за пределы обыденности, вот. Там прячется кое-кто, с кем я хочу поболтать.

– Мы этим не торгуем, – сказала рыжая, демонстративно сложив руки на груди. Пока она сверлила взглядом посети-

теля, наверняка отметив его потрепанный вид и двухдневную щетину, тот подошел к вертикальной стойке с книгами.

– О, а вот и она, значит, долго объяснять не придется. Полупрозрачные сферы заполнили воздух и все такое.

Книжка Дэвида красовалась точно на уровне глаз, между руководством по гаданию на Таро и карманным путеводителем по графству. Новенькая, не то, что потрепанный томик у него в кармане, который еще и промок теперь, наверное.

– А, так вас книга интересует, – девушка улыбнулась, несколько расслабившись, и Мэтт отметил, что она довольно хорошенькая.

– Книга у меня уже есть, – с ответной улыбкой он продемонстрировал свой экземпляр. – Мне бы теперь автограф получить.

– У нас как раз здесь проходила встреча с автором, – похвасталась рыжая. – Но вряд ли мне удастся уговорить его на еще одну, знаете, он очень занят...

– Не сомневаюсь, – Мэтт тщательно следил за своим голосом, чтоб в него не просочилось и капли сарказма. – Но не думаю, что он откажет одному читателю в такой скромной просьбе. Человек, который столь глубоко понимает... ну, знаете, все эти скрытые мотивы. Ну, вы понимаете, о чем я. Связи и все такое.

Искусство блефа явно удавалось ему лучше в те времена, когда физиономия его была чисто выбрита и не несла отпечаток жизни в психушке. Во взгляде собеседницы появилось

сомнение.

– Знаете что, если вы оставите мне книгу, думаю, я смогу добыть для вас автограф. Мистер Киллоран-О’Хэйс иногда заходит к нам...

– Спасибо за предложение, но мне бы очень хотелось с ним увидеться. Я специально приехал издалека, понимаете?

Продавщица все еще колебалась, и пристально рассматривала его, словно пытаясь проникнуть взглядом за неказистую оболочку докучающего ей бродяги и прочесть его тайные намерения. Мэтту вдруг стало не по себе – а ну как у нее получится? Он отвел глаза, притворившись, что рассматривает бредовые картины на стене, пакеты с травяными сборами и подвески с разноцветными камнями, снабженные табличками в строгом соответствии со знаками Зодиака. Похоже, мода на весь этот языческий нью-эйдж докатилась и до сельской глубинки... а впрочем, разве не прячется в таких вот глухих городках дикая смесь народных верований – с незапамятных времен, когда ныне распиаренный церковью святой еще не изгнал с острова всех эльфов вместе со змеями?

– А давайте-ка узнаем, – неожиданно предложила девушка, – суждено вам с ним встретиться или нет?

Словно в подтверждение мыслей Мэтта, она вынула из-под прилавка мешочек из грубой ткани и с серьезным видом запустила в него руку.

– Руны – это древнейший инструмент общения с судь-

бой, – пояснила она. – Или с богами, если ваши чувства не заденет подобная трактовка... Ой!

На раскрытой ладони юной прорицательницы лежала гладкая прямоугольная дощечка размером не больше сувенирной монеты.

– Руна Вирд, – продавщица удивленно рассматривала дощечку. – Нечасто она выпадает...

На взгляд Мэтта, там и вовсе не было никакой руны. Он наклонился ближе, пытаясь что-нибудь разглядеть.

– Это пустая руна, и она означает... – девушка слегка нахмурилась, припоминая. – Либо что у человека нет своей судьбы... либо, что все в руках богов, и бесполезно пытаться что-то изменить. Но я, если честно, спрашивала о другом...

– Лиэн, душенька, как же там льет! – донеслось от дверей. Там шумно возилась весьма крупная пожилая дама, отряхиваясь и сворачивая огромный зонтик.

– От самого холма Сид я бежала, с вершины настоящий водопад. Этак, пожалуй, старый дом О'Хэйсов скоро совсем водой снесет, говорила вот я Мэдди, когда она еще жива была, пусть укрепят фундамент...

О«Хэйс, значит. Дэвид, внезапно уйдя из полиции в писатели, столь же неожиданно присоединил к своей фамилии и девичью фамилию матери. Черт его знает, зачем, хотя ходили слухи, что дело в некоей давней имущественной тяжбе, вроде как без этого он не мог получить какое-то наследство. А теперь вот поселился в глуши... Мэтт сложил в уме

кусочки головоломки и быстро повернулся к новой посетительнице.

– Простите, вы ведь о доме писателя, верно?

– Ну конечно, – воскликнула толстушка. И только после этого присмотрелась к собеседнику. – Ох! А мы с вами еще не знакомы?

– Я тут проездом, – пояснил Мэтт. – Значит, за холмом он, да?

– Да, за городом, на выезде... – дама вконец растерялась, увидев, что продавщица отчаянно подает ей какие-то знаки.

– Не беспокойтесь, я не собираюсь ему досаждать, – обернувшись, Мэтт подмигнул рыжей Лиэн. Он надеялся, что это выглядело не слишком угрожающе, с его-то нынешней рожей. Но, уже отойдя от магазина на десяток шагов, зачем-то обернулся, и успел увидеть за стеклом встревоженное лицо в обрамлении огненных локонов. Девушка следила за ним, но, встретившись взглядом с объектом слезки, поспешно отпрянула вглубь помещения.

«Все в руках богов, верно?» – усмехнулся Мэтт. Если бы он был способен хоть на секунду поверить в гадания и предзнаменования, он сказал бы, что боги выразили свою волю достаточно ясно, прислав ему местную тетушку-болтушку с нужной информацией.

За большим и лишь с одной стороны пологим холмом городок действительно заканчивался, и начинались столь милые сердцу поэтов вересковые пустоши.

«А знаешь, Дэйв, чей дом всегда стоит на отшибе в твоих любимых народных сказках? Колдуна, конечно».

Одинокий дуб на склоне выделялся ярким пятном, неохотно отдавая ветру ярко-желтые листья.

«Желтый, – сказал себе Мэтт, запоминая то неясное чувство, что цвет вызывал в сознании. – Значит, дальше – зеленый».

А зеленого в пейзаже было предостаточно, этот остров зеленел зимой и летом, и поэтому выкрашенный бледной зеленой краской дом словно терялся, прятался за изгородью из пестрого кустарника.

Зеленый – спокойный цвет, он умиротворяет и дарит душевное равновесие, так говорили в китайском квартале, где промышляла проститутка по имени Ли, почти как Лиэн, только короче. Он приходил к ней под видом клиента, прижимал ее к стене в темной подворотне за рестораном и слушал, как она шепотом на ухо выдает ему секреты местных мелких дилеров, очаровательно коверкая слова. Ли знала фэншуй и даже, кажется, японское искусство икебаны, но это ей не помогло. Однажды ее нашли со свернутой шеей, телу было уже несколько дней, и оно местами уже приобретало «умиротворяющий» зеленый оттенок...

Мэтт понял, как он устал, и осознал, что буквально грезит наяву, только когда увидел дом совсем вблизи. Словно, дой-

дя до цели, позволил телу расслабиться наконец, вспомнить, что он давно не спал по-настоящему, что ослаб за месяцы обитания в четырех стенах, что почти распрощался с собственным «я» в наркоманском бреду, что, в конце концов, ничего не ел черт знает сколько времени. Он едва переставлял ноги, цепляясь за колючий кустарник и безжалостно обдирая руки о шипы. А оказавшись перед дверью, долго пытался вспомнить, что надо делать. Кажется, стучать.

– Да ладно, – сказал Дэвид, увидев его на пороге. – Seriously, что ли?

Мэтт хотел ответить что-то столь же едкое, но горло перехватило. Качнувшись вперед, он шагнул через порог, и тут его «повело». Он ухватился за ближайший устойчивый предмет, которым, как ни странно, оказался Дэйв. Голубая джинсовая рубашка была не слишком яркой, но как-то умудрилась мгновенно заслонить весь мир, закрыть все расплывающееся поле зрения, а потом, безбожно нарушая стройную палитру цветов, пришла чернота, и Мэтт позволил ей забрать себя целиком, без остатка.

Возвращаться из счастливого небытия в мир овеществленных форм не хотелось, но кто-то настойчиво пытался привести его голову в вертикальное положение, и пришлось открыть глаза, чтобы, как минимум, выяснить, что происходит.

Внешний мир рассыпался на фрагменты, не желая собраться в единую картину. Вот рука Дэвида держит его го-

лову, вот стакан у его губ – пахнет молоком и чем-то еще, а внимательный взгляд будто лазерным лучом обжигает кожу.

– Пей же, черт возьми. У тебя явная гипогликемия и обезвоживание. Сколько дней ты не ел?

– Разве может быть обезвоживание, когда все время идет дождь? – прошептал Мэтт. А может, едва шевельнул губами, но его услышали.

– Пей и не выебывайся. Все равно ничего больше нету. Какого хрена вообще у тебя вид, как у восставшего мертвеца?

– Пошел ты, – с удовольствием произнес Мэтт. Он долго носил эту фразу с собой, берег, как самый драгоценный дар. Вот и пригодилась.

– Ты, блин, рухнул в обморок, как только я открыл дверь, считаешь, это нормально?

Молоко было с привкусом меда и каких-то трав. Мэтт мельком подумал, что в жизни не стал бы пить такую гадость, если бы не... что? Если бы не Дэвид. Черт бы его побрал.

– Увидел твою мерзкую рожу, и не смог устоять на ногах, – проворчал он, невольно вспоминая те времена, когда они преимущественно вот такими вот подколками и общались.

– А выглядело так, будто ты приполз помирать на порог моего дома. Символично, мать твою.

– Поздно горевать, я уже умер, – прошептал Мэтт, откидываясь назад.

Движение это оказалось бесконечно долгим, он падал, падал и только вяло удивлялся – куда еще падать, ведь он и так уже на самом дне. А потом вдруг возникло встречное движение, сквозь его тело снизу вверх прорастало дерево, выпускало ветки, одевалось листвой. В листве танцевала рыжая Лиэн, одетая лишь в ожерелье из молодых весенних почек. Корни омывал невидимый в тумане океан, на берегу тумана сидела старуха и перебирала свои сети, вылавливая оттуда белесые шарики глаз с разноцветными пятнами радужки, вяло шевелящие тонкими нитями-щупальцами окровавленных нервов.

– Пришел за новыми глазами, да? – спросила она, и улыбка трещиной прорезалась на морщинистом лице. – Дружок твой вон, сразу с такими родился, спроси его, много ли счастья это ему принесло? Ну да воля твоя, забирай!

С ее ладони будто стрела сорвалась, вонзилась в голову Мэтта раскаленным металлом, начала ветвиться, прорастая в глазницы и виски. Он застонал, не в силах разомкнуть губы. На лоб его опустилась прохладная ладонь, и где-то далеко и одновременно рядом возник голос Дэвида, который шептал знакомые и незнакомые слова, странно искажая их, точно в старых-старых песнях:

– ... пусть три смерти они заберут... пусть три жизни тебе вернут...

«Да пошел ты», – в последний раз попытался ответить ему Мэтт, но все закрыл туман – молочно-белый, не оставляю-

щий места иным цветам, только вкусу молока на губах.

Он проснулся окончательно несколько вечностей спустя, под теплым шерстяным одеялом, и долго пытался сфокусировать взгляд перед собой, пока не осознал, что смотрит в потолок, где по скрещенным балкам змеится причудливый узор – то ли руны, то ли просто старинные буквы.

За окном была все та же молочно-белая пелена, что окружала его во сне. Возникло жутковатое ощущение, будто дом повис в пустоте, и Мэтт на всякий случай подошел вплотную к окну, пытаясь рассмотреть в тумане хоть какие-то признаки того, что он еще на земле, а не в неведомой бездне. С облегчением выдохнул, обнаружив вдалеке смутные очертания холмов. Просто комната на втором этаже дома, вот сходу и не разглядеть земли.

В доме было слишком холодно, чтобы разгуливать только в штанах и майке, так что Мэтт, недолго думая, завернулся в одеяло. Так и спустился по лестнице, внимательно следя, чтоб не наступить на полы импровизированного «плаща».

– Кажется, мне не приснился запах кофе, – хрипло прокомментировал он, увидев Дэвида с чашкой. Тот расположился за низким столиком в гостиной, щелкая по клавишам ноутбука, однако при виде друга сразу отвлекся и захлопнул крышку, отправляя машину в «спящий» режим.

– Не уверен, что тебе сейчас можно кофе.

– Почему это, интересно?

Дэйв смотрел на него пристально, точь-в-точь как детек-

тив на подозреваемого. Или как врач на пациента. Этот вариант Мэтту уже порядком надоел за последние месяцы.

– Я говорил с твоим врачом. Из клиники.

– Вот как, – Мэтт не нашелся, что сказать. Уселся в ближайшее кресло, безуспешно пытаюсь укутать пледом ноги. – Здесь отопления нет, как я понимаю? Холод жуткий...

– Есть камин. Не уходи от темы. Первым делом я позвонил Мэл, чтобы узнать, какого хрена. Она мне все рассказала. Я не поверил и позвонил на работу. Они мне дали телефон клиники. Твою мать, Мэтт, так какого хрена?

– Что именно тебя интересует? Зачем я приперся? Буду честен – хотел занять у тебя денег. Ты ж теперь, как-никак, модный писатель и все такое. А меня и в магазин охранником не возьмут, после клиники и всей этой херни. Но я что-нибудь придумаю, наверное. И все верну, не сомневайся.

Ложь срывалась с губ с невообразимой легкостью, совсем как недавний фальшивый акцент. Да и почему сразу ложь, просто рационализация. Мозг наконец включился и заработал, перебирая варианты дальнейшего выживания. И действительно, зачем один взрослый мужик прется через полстраны к другому в гости? Не за чашкой же молока. И не за тенью потерянной дружбы, о господи, мы же не в дешевом сериале для домохозяек, где даже мужики поголовно сентиментальны, как стареющие бразильские шлюхи.

Дэвид сорвался с места, шагнул к нему, угрожающе нависая, еще немного – и двинет в морду, не иначе.

– Меня интересует, какого хрена ты сделал со своей жизнью!

– А что мне было делать? – перейти на повышенные тона оказалось проще простого. На тебя орут, ты орешь в ответ. Можно еще кулаком в грудь себя бить, для убедительности. Канал «Дискавери», сюжет из жизни диких обезьян. – Ты сбежал, не сказал никому ни слова, а я остался в этом змеином гнезде. Меня перевели в отдел к О'Райли, можешь себе представить? Повышение, да. За особые заслуги. Ни одной хоть немного тронутой интеллектом рожи, поговорить не с кем! И все, каждая сука у кого-нибудь да берет на лапу, ты понял? Патрульные покрывают уличных торговцев, инспектор покрывает их поставщиков, а шеф департамента пьет виски из личной коллекции их босса! Куда ни плюнь, везде чья-то территория, и тебе намекают «не суйся»... а я один, понимаешь, один против всей этой блядской системы, а ты меня бросил! Мой напарник меня бросил, да!

Ах ты черт, не вышло все-таки без соплежуйства. Привет вам, старые бразильские шлюхи, одолжите мне боа из перьев, возьмите с собой на карнавал. На карнавале можно прятать лица, и тогда не страшно говорить правду.

– Твоим родителям стоило завести второго ребенка, – неожиданно спокойным тоном сообщил Дэвид и отошел. Полез в шкаф за второй кружкой, оставив собеседника давиться продолжением фразы, хлопать глазами, беззвучно глотать воздух с мыслью: «Что?..»

– Единственный ребенок в семье получает слишком много внимания, – Дэвид спокойно развивал свою мысль, чем-то наполняя кружку.

«Если это опять молоко, то я его придушу нахрен».

– ... и вырастает капризным, эгоистичным и эгоцентричным говнюком вроде тебя. Смотри-ка, его бросили, оказывается! Тебе не приходило в голову, что у твоего напарника могут быть свои проблемы? Свои причины бросить эту чертову работу? И я что-то не припомню, чтобы приносил клятву у алтаря, что-нибудь вроде «клянусь ходить с этим засранцем в патруль, пока кого-нибудь из нас не пристрелят».

Он изобразил торжественную клятву, прижимая к сердцу ладонь и размахивая кружкой в другой руке. Мэтт невольно фыркнул, наблюдая эту клоунаду.

– Впрочем, ты же читал мою книгу, – неожиданно закончил Дэвид. – Значит, примерно понимаешь, почему я сбежал, да? Тем более, не так уж далеко я уехал. И оставил адрес Мэллори, между прочим.

– Вот это новость, – Мэтт покачал головой. – Она мне ничего не говорила. Но, знаешь... может, забыла... я в больнице провалялся тогда долго, в конце концов...

– Я ей никогда не нравился, верно? Думаю, она считала, что я плохо на тебя влияю, – Дэвид усмехнулся и поставил перед ним кружку.

– Мне что, по-твоему, три года? – вяло возмутился Мэтт, обнаружив там молоко.

– С кофе пока рисковать не будем. А нормальной еды в этом доме давно не водится. Я сметаюсь в город, куплю чего-нибудь. Тебе надо нормально питаться, а у меня тут одни консервы и концентраты.

– Спасибо за заботу, – Мэтт с гримасой отвращения оставил кружку. – Но я здесь надолго не задержусь.

– Никуда ты не поедешь, – категорично сказал Дэвид. Даже сделал неосознанное движение к двери, будто собрался стать в проходе и не выпускать гостя. – Пока я не увижу, что крыша у тебя на месте. Пока что до этого далеко.

– С чего это ты решил, интересно?

Он не успел ни заметить перемещения Дэвида, ни толком среагировать. Да, реакция ни к черту, после долгих месяцев на транквилизаторах и антидепрессантах. Мир порою распадается на статичные картинки. Вот бывший напарник еще стоит у двери, а вот он уже рядом, стискивает его запястье железной хваткой, развернув руку так, чтоб были видны шрамы на предплечье. Когда пытаешься зубами перегрызть себе вены, следы остаются некрасивые, правда. Как он тогда еще инфекцию не занес и не помер от сепсиса – уму непостижимо.

– А. Ну да, – Мэтт безразлично пожал плечами.

– Удивительно, что тебя вообще выпустили после такого.

– Это было один раз, в самом начале. Во время ломки еще

и не такое творят. – Мэтт наконец высвободил руку из захвата. Он только сейчас понял, что на нем чужая футболка с короткими рукавами. Вроде у него таких не водилось. – А ты, значит, воспользовался моим бесчувственным состоянием, и нагло глазел на мое прекрасное юное тело?

– Я выкинул твою рубашку, там спина вся в крови. И на башке у тебя нефиговая ссадина, между прочим. Вполне могло быть сотрясение.

– Ага. Это был дальнобойщик номер один, – зачем-то пояснил Мэтт.

Дэвид все не отходил. Положил ладонь ему на затылок, смотрел сверху вниз с непонятым выражением лица.

– Какого же хрена... – тихо повторил он, явно не ожидая, впрочем, внятного ответа.

Мэтт качнулся вперед, уткнувшись лбом ему в грудь. Кажется, персонаж сериала на этом месте должен был хотя бы секунд пятнадцать порыдать на груди товарища. Потом режиссер милосердно переключит план и покажет зрителю других второстепенных героев.

Слез не было, в голове был только вездесущий белый туман.

– Извини, – сказал Мэтт, сам точно не понимая, за что. Наверное, за неудавшуюся мелодраматическую сцену.

Дэвид осторожно потрепал его по волосам, прежде чем отстраниться.

– А еще из твоей куртки выпала моя книга, – сказал он,

усмехнувшись. – Надо же, ты с ней таскаешься, как с Библией.

– Я вообще не помню, откуда она у меня взялась, – признался Мэтт, снова кутаясь в плед. – Купил, наверное, во время очередного «прихода». Знаешь, я ведь ее не читал.

– Серьезно? – Дэйв выглядел обиженным. – Но почему?

– Из-за страха, наверное, – подумав, заключил Мэтт. – Это означало бы смириться с существованием в мире, где ты больше не мой напарник, с которым мы ходим в патруль, в бар и на рыбалку примерно с одинаковым результатом... а какой-то, понимаешь ли, писатель.

– Но тебе надо ее прочитать. Ты тогда все поймешь. И почему я сбежал, и все мои, как ты всегда говорил, странности.

– Что вообще за дурость, – проворчал Мэтт, – если у тебя есть проблема, ее надо обсудить с другом, потом нажраться с ним вместе и забыть благополучно, а ты предпочел уехать жить в глуши и писать о ней книги! Кто вообще так делает, америкосы? Стивены Кинги всякие? Ты вообще ирландец или кто?

– О, немного махровых национальных стереотипов от потомка янки, отлично, то, что нужно с утра, – рассмеялся Дэйв. И это было так похоже на их прежний треп, что у Мэтта внезапно зашипало в носу. Ну вот, приплыли наконец.

– Я ее вынул из кармана и подумал, а не поехать ли к тебе, – пояснил он, хватаясь за кружку с молоком, чтобы хоть этой гадостью перебить ностальгическую горечь воспомина-

ний о лучших временах. – Все равно других вариантов не было.

– Между прочим, Мэл сказала, что просила сестру встретить тебя на машине. Но ты ее не дождался.

– Сестру, – Мэтт скорчил рожу. – Ты помнишь Хелен? В последний раз, когда мы виделись, она была яркой вегетарианкой. Но все равно съела бы мой мозг еще на полдороге. Если бы Мэл по-прежнему считала меня своей семьей, приехала бы сама. Нет, там все кончено, и говорить не о чем. Она сказала, что запретит мне видеться с детьми, и я ее не виню. Я не лучший пример для них, это точно.

– Может... может, еще все наладится, – Дэйв исчез на мгновение в прихожей, и вновь появился, застегивая кожаную куртку. Мэтт критически посмотрел на него. Не похож он был на «модного писателя». Скорее, на еще чудом не спившегося фермера. Еще и лохмы отрастил – в косу заплетать, подражая викингам, еще рано, но от форменной стрижки не осталось и следа.

– Я сгоняю в магазин, – пояснил Дэвид, – тут недалеко. Заодно заскочу к местным представителям закона, пусть удостоверятся, что я живой. А то они приезжали вечером, пока ты дрался. Предупреждали, что меня ищет какой-то маньяк с небритой рожой и в синей куртке.

– И что ты им сказал? – фыркнул Мэтт.

– А что я мог сказать? Спрятал за спину окровавленную синюю куртку, которую как раз собирался кинуть в стирку,

и сказал «Все в порядке, офицер».

– Это все Лиэн, – рассмеявшись, проговорил Мэтт. – Та девчонка... из лавки...

– Да, похоже, ты ее чем-то напугал. Она вообще-то не из пугливых, странно это.

– Она сама себя напугала, – пожал плечами Мэтт. – Стала мне гадать на каких-то дощечках, вытащила пустую и уставилась на нее, как на откровение от Иоанна...

– Руна Вирд, значит. Да, необычно.

– И ты еще этой хренью интересуешься? Ну понятно, выход за пределы реальности и все такое... Что это значит хоть? Она сказала что-то вроде «твоя судьба в руках богов»...

– Это один из вариантов, – Дэвид задумчиво потер подбородок. – А еще это может значить, что у тебя нет судьбы. Вроде как, тебя стерли из «книги жизни». И это очень выгодная позиция, потому что дальше ты сам можешь выбирать, куда пойти. Это как ноль, точка отсчета, понимаешь?

– Я понимаю, что ты стал настоящим писателем. С ходу выдаешь лекции на философские темы, – рассмеялся Мэтт. – Впрочем, помнится, в пабе по пятницам ты еще и не такое выдавал... Это вот в таком духе у тебя книжка написана?

– Ты прочти сначала, – загадочно сказал Дэйв. – Я второй раз все равно так ясно не сформулирую. Там все описано. Потом обсудим...

Рев машины за окном быстро стих, удалившись в сторону поселка. Мэтт поднялся наверх, прихватив по пути ту самую книгу, валявшуюся на столе. Туман за окном чуть рассеялся, открыв взгляду все те же однообразные холмы – лишь на одном из них виднелись серые камни каких-то древних развалин. Смотреть все равно было не на что, оставалось и вправду засесть за чтение бестселлера, раздвигающего границы и бла-бла-бла так далее. Вообще-то Мэтт предпочел бы прямой и честный разговор с другом, но раз уж тот настаивает... ладно. В конце концов, это просто книжка. Не перевернется же мир от того, что он ее прочтет, верно?

2. Подвал на Тока-Куэй-роуд

Осенью все иначе. Всегда смотрю и поражаюсь, каждый год одно и то же, а никому и в голову не приходит, что причина у них под носом. Причина их депрессий, обострения хронических болезней, причина того, что в несколько раз возрастает уровень бытовых убийств. Статистика – штука суровая, и могу вас заверить, за годы службы в полиции я ни разу не видел, чтобы осенняя статистика подводила.

Хотите, раскрою секрет?

Я ношу его в себе долгие годы, лет с шести, наверное. Вот когда я впервые понял, что со мной что-то не так. Я вырос в городе, и это меня спасло; страшно подумать, кем бы я стал, останься мои родители в глуши, в деревенском доме, среди холмов и древних развалин. В городе много людей, слишком много, чтобы разбираться, кто из них жив, а кто – уже не очень. Случаются, конечно, казусы. Как-то раз я ехал в автобусе и рассматривал парня напротив – очень уж он бледный был, ни кровинки в лице. А потом в салон зашла женщина и села на то же место. Села прямо сквозь него, понимаете?

Когда случается такая фигня, волей-неволей начинаешь задумываться. О том, откуда все эти страшные сказки и поверья, что мы изучаем в школе как «фольклор», и почему твоя семья несется в церковь по любому поводу, и почему

бутылка со святой водой у мамы всегда наготове. Мы не говорили с ней об этом, но я думаю, она тоже их видела. Или знала, что я вижу.

Ну вот, не обошлось без воспоминаний о детстве, а заикался ведь начинать книгу с такой банальщины. Последнее дело это – выбивать сочувствие у окружающих, жалуясь на тяжелое детство. «Я был изгоем, я чувствовал, что отличаюсь от других детей, и пока они простодушно грелись под лучами ласкового солнца, моя туманная звезда где-то за облаками всегда манила меня идти тропами, недоступными прочим, наполняя и явь, и сны тревожными образами и лицами, что так неохотно затем стираются из памяти...» Ну, или что-то в этом роде, я не запомнил дословно, прежде чем протрезвел, а записи на салфетке из бара наутро превратились в бессмысленные каракули. Это было бы чертовски хреновое начало для книги, признаем же честно, так что оно и к лучшему. Правда в том, что я умел быть «как все», мне пришлось этому научиться, и если я порой и молчал больше, чем другие, зарабатывая славу тугодума, так это потому, что опасался заговорить ненароком о вещах и явлениях, окружающим недоступных. Есть какая-то высшая истина в том, что нормальному человеку не лезут в глаза призраки и прочие непостижимые твари, и не мне с ней спорить.

Эй, я все помню, не надо смотреть так укоризненно, я помню, что обещал раскрыть секрет осенних депрессий и прочих сезонных аномалий.

Секрет очень прост: дело в том, что летние духи уступают место осенним. Не знаю, куда уходят первые и откуда приходят вторые, но выглядят и ведут себя они совсем иначе. И под «духами» я подразумеваю не призраков, вовсе нет. Обычные мертвецы скромные и тихие, чаще всего они даже не знают, что умерли, бродят себе по привычным маршрутам, словно в полусне, пока не растают – иногда прямо у меня на глазах. То ли дело духи; я так думаю, некоторые из этих существ никогда и не рождались в человеческом теле, а другие прошли после смерти такую мучительную трансформацию, что от людей в них ничего не осталось.

Летние духи – что-то вроде фейри из сказок, по крайней мере, смотреть на них приятно. Они появляются в мае, на праздник Бельтейн, и с ними вполне можно иметь дело. До самого Лугнассада, до сбора урожая они правят бал, и за неимением холмов танцуют по ночам на крышах панельных высоток, как ни в чем не бывало. В августе их становится все меньше, и все больше других, менее приятных на вид, после осеннего же равноденствия только глумливые рожи вторых и мелькают в тени домов, а иногда и среди многолюдной толпы. И если вы думаете, что после Самайна они угомонятся, то черта с два – весь ноябрь они еще попадаются мне на глаза. Только зимой город наконец становится почти таким, каким его привыкли видеть остальные, и на опустевших крышах танцуют лишь холодные ветра, не имеющие, к счастью, привычки принимать человекоподобную форму.

Это все лирика, впрочем, но раз вы дочитали до этой страницы, я, пожалуй, покончу со вступлениями. Зима – спокойное время, однако до зимы было еще далеко, когда мы с напарником выехали по очередному вызову в один из густо застроенных прибрежных районов. Надо признать, унылые серые доки сейчас медленно, но верно сменяются офисными зданиями, сверкающими стеклом и сталью, и земля здесь дорожает, однако сверни на боковую улицу – и вот они, старые кварталы с теснящимися друг к другу многоэтажками. Сюда не забредают туристы, и правильно делают – здесь можно ожидать чего угодно.

В одной из квартир на первом этаже случилась семейная ссора, и соседи вызвали нас, утверждая, что слышали сквозь стену крики, угрозы и просьбы о помощи. К моменту нашего приезда буйная парочка притихла, и это было ничуть не менее подозрительно.

Конечно, была вероятность, что супруги помирились и если мы сейчас вломимся в дверь, горя желанием спасти бедную женщину от изверга, нас вполне может встретить ударом сковородки по голове стокилограммовая мегера. Мэтт высказал эту версию, пока мы топали по длинному, словно кишка, коридору в поисках нужной двери. Мой напарник обожает прикидываться равнодушным циником, чтоб никто не догадался, как сильно ему хочется верить людям. Совсем как я люблю прикидываться простодушным парнем, чтобы не вызывать излишних подозрений. Мы здорово со-

шлись с ним с первого дня службы, и, если б я не оставил по ряду причин привычку молиться на ночь, каждый вечер возносил бы благодарности небу за то, что нас определили в один патруль. Конечно, если б я мог поделиться с ним своим секретом, может, многое было бы проще, да только таких материалистов, как Мэтт, не сыщешь на всем нашем благо-словенном острове, да и бесполезно искать, потому что родители привезли его аж из Орегона. Видимо, решили, что там подобных ребят навалом, а вот у нас как раз нехватка. Этих янки ничем не проймешь, я и рисковать не стану, и по-этому я промолчал о том, что знал.

А знал я, что случилось нечто нехорошее. Поблизости было множество духов – холодных, осенних, охочих до крови и человеческих слез, но они не показывались, мельтешили где-то в окрестностях, просто я уже научился чувствовать их присутствие. И то, что к дому они не приближались, насто-раживало еще сильнее. Что могло одновременно возбудить их и напугать, не позволяя войти и насытиться?

– Выбываем? – предложил я, когда на стук никто не ото-звался.

Мэтт с сомнением посмотрел на добротную деревянную дверь.

– Я тебе что, Рэмбо хренов? Тут косяк явно крепче, чем наши головы. Давай-ка для начала через окно заглянем.

– Ты постучи еще, может, не слышат, – посоветовал я, на-правляясь обратно. – И осторожнее, не стой на линии вы-

стрела, мало ли...

– Не учи ученого, – огрызнулся напарник.

Мэтт в полиции на целых полгода дольше, чем я, поэтому хрен с два он позволит мне ему советовать. Я, конечно, не упускаю случая ткнуть его носом в очевидные вещи. Бессмысленные перепалки из-за мелочей иногда здорово помогают нам обоим оставаться в должной форме.

На улицу выходило только окно кухни. Я несколько раз пересчитал окна, чтобы не ошибиться – нет, все верно, та самая квартира. Решеток не было, хоть и первый этаж. Вот не заботятся ведь о своей безопасности, а потом ругают полицию... Впрочем, сейчас безответственность жильцов была нам только на руку.

Хотелось бы мне сейчас написать, что я бесшумно проник в квартиру, однако буду с вами честен – я с грохотом выбил стекло, а потом, ругаясь сквозь зубы, протиснулся в узкое кухонное окно, очень стараясь не изрезаться осколками. По крайней мере, если тревога ложная, застеклить окно ребятам будет не в пример дешевле, нежели ставить новую дверь – вот примерно такой ерундой я старательно забивал себе мозги, потому что уже знал, что увижу. Знание это принадлежало какой-то примитивной, животной части меня, той самой, по велению которой шерсть встает дыбом на загривке в случае опасности, даже если волей эволюции или всевышнего шерсть у нашего племени там давно уже не растет.

Дородный лысеющий мужчина лет за пятьдесят лежал в луже крови. Кровь еще продолжала растекаться по полу, хотя с виду хозяин квартиры был мертвее мертвого. Голова его была проломлена чем-то тяжелым, а на груди сочными экспрессионистскими мазками атели ножевые ранения.

Женщина сидела за столом и тихо плакала, утирая слезы тыльной стороной ладони. Пальцы ее все еще сжимали длинный разделочный нож.

Признаться, я так и застыл столбом посреди комнаты. Картина была та еще. Что бы там ни думали о нашей работе мирные граждане, трупы нам нечасто приходится видеть. А тут еще женщина, увидев меня, начала причитать:

– Я не знаю, что со мной, не знаю, что на меня нашло, простите...

Ее завывания, наконец, вывели меня из ступора. Я кинулся к двери, впустил напарника, и началась обычная в таких случаях суэта. Вызвать детективов, разогнать любопытных соседей, отобрать нож у свихнувшейся тетки, предварительно надев перчатки – еще не хватало стереть отпечатки с орудия убийства. Хорошо хоть, женщина была не буйной. Она будто сама не понимала, что произошло. Временное помешательство, бывает и такое. Может, мозги разъедены алко-голем, а может, и наркотой. В шкафчике над ванной – анти-депрессанты пополам с китайскими снадобьями в характерных пакетиках с иероглифами.

Впрочем, пусть теперь детективы копаются в ее вещах

и строят версии, а наше дело маленькое, как говорится.

Кровь, меж тем, все вытекала из трупа, разбегаясь по полу крохотными шариками, будто ртуть. Я даже потянулся проверить у него пульс, встретив недоуменный взгляд напарника.

– Кровь уже должна была остановиться, – пояснил я. Мэтт подошел ближе, то и дело оглядываясь на женщину. Конечно, мы уже нацепили ей наручники, но мало ли что она может выкинуть.

– А разве она не остановилась?

Тут-то до меня и дошло, что разбегающиеся капли-шарики вижу я один. Проследил их взглядом и увидел, как они вновь собираются на небольшом участке пола и там исчезают, словно впитываясь в покрытие. Может, стекаются в углубление, только с виду там нет никакого углубления, доски как доски.

– Знаешь, пойду-ка я поговорю с соседями, – выпалил я первое, что пришло на ум, и бросился наружу.

Мэтт удивился, но, как всегда, прикрыл меня. Сказал потом приехавшим детективам, что мне стало нехорошо от вида крови. Ребята с пониманием отнеслись к моим слабым нервам, а я спорить с этой версией не стал. Мысли мои в тот момент крутились совсем в иных сферах.

Соседи, конечно, никуда не разошлись – столпились во дворе и галдели, обсуждая происшествие. Пытались заглянуть в разбитое окно, как будто не их мы отгоняли пятью

минутами ранее. Что за удовольствие, интересно – поглазеть на чужую смерть?

Я постарался напустить на себя максимально строгий и официальный вид, вернул на место помятую фуражку и объявил:

– Мне нужен ключ от подвала!

– Думаете, она в подвале еще кого прикопала? – живо отозвалась сухонькая старушка.

– К ним племянник приезжал на выходных, Коннор, да что-то давненько не видно его, может, и его тоже? – народ загалдел, шумно выдвигая версии, одна другой бредовее.

– Это убийство в состоянии аффекта, а не работа маньяка, видно же, – я волей-неволей ввязался в дискуссию, хоть и зарекался это делать. – Ключ от подвала! Кто сможет мне открыть?

Обладатели ключа нашлись, и стоило больших трудов уговорить их не следовать за мной в сырую темень подвального этажа. Спасло положение то, что у меня был фонарик, а у них – нет. Все же я официальное лицо, как-никак.

Кровь, пусть и призрачная, утекала куда-то вниз, и вряд ли только под действием силы притяжения – уж больно целенаправленно она стекалась к определенному участку. А значит, ее что-то притягивало. И я был совсем не уверен, что мне стоит на это «что-то» смотреть, но проклятое любопытство потом бы меня с потрохами сожрало, точно знаю. И поэтому я сейчас топал по узкому и темному коридору,

прикидывая, где примерно располагается квартира несчастной семейки.

Долго искать не пришлось: вскоре я услышал звук. Отвратительное чавканье, бульканье и хлопанье, наводившее на мысли о болоте, и еще – о протекающих трубах. Версия с трубами могла бы объяснить и удушливый смрад, ударивший в ноздри. Но потом я увидел ее, и все версии разом покинули мою несчастную голову, а ноги рефлекторно дернулись эту самую голову унести как можно дальше.

Старуха была не из мира живых, в этот раз у меня никаких сомнений не возникло. Ее распухшее синюшное лицо напоминало об утопленниках, что по несколько дней лежат в нашем морге, дожидаясь опознания. Морщинистая шея перетекала в бесформенное тело, в пропорциях которого было не больше человеческого, чем в кольчатом туловище гигантской жирной гусеницы. Глаза ее, к счастью, были закрыты, и я до сих пор не уверен, смог бы я сохранить рассудок, доведись мне встретиться с ней взглядом. Длинный, похожий на змеиный, язык периодически показывался меж почерневших губ, чтобы ловко поймать очередную каплю, стекающую с потолка.

Подробнее рассмотреть ужасную обительницу подвала мне не дала ее свита. Осенние духи, как я уже говорил, не слишком приятны на вид, но здесь будто собрались наиболее омерзительные представители своего рода. Шелестящая черными полупрозрачными крыльями мелочь резво подня-

лась в воздух, потревоженная лучом моего фонарика. В прямом свете они были почти невидимы, и мне пришлось направить фонарик в сторону, чтобы в рассеянном боковом свете разглядеть их гротескные маленькие тельца. Некоторые напоминали людей, точнее – уродливых младенцев, вроде тех, что показывают в социальной рекламе, призывая воздерживаться от алкоголя и курения во время беременности. У некоторых из покрытых шерстью туловищ торчали паучьи лапы. Маленькие злые глазки то и дело вспыхивали во тьме тлеющими угольками. Собравшись в импровизированный хоровод вокруг чудовищной старухи, они затянули то ли песню, то ли заклинание, слов которого я почти не мог разобрать – уж больно отличался язык от того гэльского, к которому мы привыкли. Обрывки фраз, что все-таки долетали до сознания, не слишком-то проясняли ситуацию:

– Первая кровь... первая кровь этой осенью... первый осенний пир для Матери...

Я не сразу заметил, что по мере движения хоровода то один, то другой дух покидал его и с безобразной гримасой вожделения припадал к одному из множества темных сосков на раздутом теле старухи, а через полминуты нехотя отрывался, роняя на пол кровавые капли. Пришлось изо всех сил стиснуть зубы, сдерживая подкативший к горлу комок тошноты.

От тела этого невозможного существа к потолку тянулись пучки то ли алых лент, то ли сосудов. Они были почти неза-

метны и явно нематериальны. Позже я увидел, где заканчиваются эти «ленты», и спокойствия мне это знание отнюдь не прибавило. А пока что я едва не помер на месте, когда бодрый голос сзади спросил:

– Нашли что-нибудь, офицер?

Один из жителей дома, вооружившись фонариком, пробрался следом за мной. Теперь он старательно осматривал отсыревшие стены, в упор не замечая происходящей у него под носом безумной фантазмагии.

– Канализация, видать, потекла... Ну и вонь!

– Здесь ничего нет, – сказал я, разворачиваясь к выходу. Уж не знаю, почудилось или нет, только в спину мне летело издевательское хихиканье, больше похожее на скрежет несмазанной ставни.

Уже потом, во дворе, в ярком дневном свете, я боковым зрением вдруг вновь увидел алые нити-сосуды. Они вонзались в ладони убийцы, которую как раз выводили в наручниках подоспевшие детективы. Женщина брела, покорно опустив голову, и с этими нитями в руках казалась сломанной марионеткой кукольного театра, которой больше не управляет мастер из-за кулис. Когда за ней захлопнулась дверца машины, нити оборвались, словно не выдержав контакта с холодным железом, и нехотя поползли обратно в дом, подергиваясь, как живые.

– Эй, дружище, ты в порядке? На тебе лица нет, – Мэтт подобрался ко мне незаметно, хлопнул по плечу. – Жуть ка-

кая, а? Наводит на размышления...

– И не говори, – искренне отозвался я, понимая, впрочем, что мы говорим совсем о разных вещах.

– Вот так вот живешь с человеком много лет бок о бок, и не знаешь, в какой момент у него крышу снесет и он решит тебя прикончить, – как-то уж слишком пристально напарник смотрел на меня, произнося эту фразу.

– Психи среди нас, – подтвердил я и повернулся к нему, изобразив нарочито жуткий оскал. – Они могут жить с тобой, работать с тобой в одной смене, например...

– Ездить в одной патрульной машине, – подхватил Мэтт, усмехаясь в ответ. – Я понял. Знаешь что, давай перехватим по чашечке кофе по пути. Думаю, никто нас не осудит, после такого-то...

Думаю, никто нас не осудил бы, даже реши мы плеснуть в кофе чего покрепче. Но служба есть служба, есть ведь пределы даже у нашей с Мэттом наглости.

У этой истории должен быть какой-то красивый и многозначительный конец, скажете вы. Ну, так же всегда бывает. Главный герой вернулся в подвал с огнеметом и все там выжег подчистую. Фейри боятся огня, это всем известно. Но рисковать устроить пожар в жилом доме ради изгнания нечисти, которую никто, кроме меня, не видит – это не ко мне, извините.

Может быть, скажете вы, стоило вызвать священника и все там освятить. Может быть. Моя мать бы так и сделала, на-

верное. Она все таскалась по разным церквям в городе, перебирала, ворча, что городские священники совсем не то, вот то ли дело отец Уилан в ее родном городке! Я был с ней на множестве служб, мне нравится тихая и торжественная атмосфера храмов, но... как бы это вам объяснить. Как человек, который видит духов, я мог бы ожидать увидеть хоть что-то в церкви... какое-то свечение, лучи света из ниоткуда, пение ангелов, понимаете, что я хочу сказать? Но ничего там не было. Тихое, спокойное место, куда не забредает городская нечисть... впрочем, в паре церквей я видел на мессе такие лица, что до сих пор меня терзают сомнения, так ли это... Но никаких следов присутствия той силы, что могла бы противостоять злу.

Да и зло ли эти твари?

Я одно время трахал девку из китайского квартала, и у нее меж лопаток была татуировка со значком инь-янь, такая круглая штукавина, где черная половина плавно перетекает в белую. Если смотреть на нее в момент оргазма, она начинает вращаться. Ну, может, только у меня так, сложно сказать, как вы понимаете, тут я на статистику сослаться не могу. Но суть в том, что каждое явление со временем превращается в свою противоположность. Черная «капля» в рисунке совсем истончается кверху и кажется, будто белая одержала верх, но в самом сердце белой половинки уже расцветает чернота. Что я хочу сказать, в общем-то? Что я не вернулся в этот подвал.

Зато я покопался в хронике и выяснил вот что. Несколько лет назад в подвале и правда жила безумная бездомная старуха. На нее жаловались жильцы, ее даже пристраивали в приют при монастыре, но она сбегала оттуда, объясняя сестрам, что ее ждут «дети». В молодости она была медсестрой, приторговывала медикаментами и помогала делать подпольные аборты. Это ее в тюрьму и привело, после заключения у нее в голове помутилось, а родственников не осталось, вот и померла она в конце концов в холодном сыром подвале.

Ладно, скажете вы, если в истории нет логичного конца, в ней должна быть мораль. И вот сейчас для нее самое время и место.

Я не знаю, что вам на это ответить, честно. «Не селитесь в доме, где пару лет назад умерла бомжиха?» Или «не нарушайте закон об абортах»?

Знаете, я не из сторонников и не из противников, я вообще не считаю себя вправе в это дело лезть, и когда при мне какие-нибудь политические активисты заводят такие разговоры, я отмалчиваюсь или ухожу. Можете закидать меня камнями, но я считаю, вопрос об абортах должны решать женщины, и только они, и черт меня дери, если я полезу в бабские разборки, я не камикадзе. Да и если духи были похожи на уродливых младенцев, это ведь может ничего и не значить, верно?

Кто их знает, как они выглядят на самом деле, если они вообще имеют определенную форму. Может, это наше со-

знание рисует картинки и поет нам песни на древнем языке, а что мы видим на самом деле или чего не видим – бог его знает.

Я знаю, мой долг как писателя, напугав вас как следует, взять и успокоить, но и с этим беда. Правда в том, что я не знаю, что со всем этим делать. На кого бы они ни были похожи, духи повсюду. Вы можете увидеть их краем глаза, но чаще всего милосердное сознание тут же найдет успокоительное объяснение. Вы можете жить с человеком десятков лет, а потом он, повинуясь чьей-то воле, схватит нож и принесет вас в жертву. Мир состоит из процессов созидания и разрушения, одно перетекает в другое, сегодня мы собираем урожай, а завтра станем чьей-то пищей, как бы мы ни убеждали себя, что в современном цивилизованном мире эта опасность нам не грозит. Слышите смех, похожий на звон серебряных колокольчиков? На крыше вашего дома уже танцуют существа, которые были здесь задолго до того, как люди впервые разожгли огонь на девственных зеленых холмах; и когда придут холода, они позовут своих старших братьев, чтобы собрать кровавый урожай осени.

3. Eihwas (Граница)

Когда Дэйв вернулся, туман за окном уже начал приобретать сиреневый оттенок, предвещая наступление сумерек. Мэтт распахнул окно, вдохнул холодный воздух и покорно добавил очередной цвет в обновленную палитру сознания.

– Проветриваешь башку или комнату? – поинтересовался Дэвид, появляясь в дверях.

– Разгоняю облако дешевого пафоса, – отозвался Мэтт. – Твой редактор ни разу в разговоре не упоминал, что сейчас двадцать первый век, и Лавкрафт с Дансени давно истлели в своих гробах?

– А, я смотрю, ты ознакомился с моим монументальным трудом...

– Самую малость. Первой истории мне хватило для начала.

– Пойдем, – Дэвид сделал приглашающий жест. – Продолжишь играть в критика за ужином, идет? Но сначала нам придется его приготовить. Трудотерапия, говорят, творит чудеса.

Некоторые из пациентов клиники действительно ходили на подобные сеансы, трудотерапии или чего-то подобного, факт. Клеили игрушки из бумаги, рисовали картинки. Хотя это уже скорее арт-терапия, верно? Мэтт вздрогнул, вспомнив бледные лица с отсутствующим взглядом и узловатые

пальцы, отчаянно стискивающие карандаши.

Там был один парень, настоящий художник, не иначе. Даже пребывая наполовину в галлюцинаторном тумане, он умудрялся создавать поразительно живые, объемные портреты неведомых существ. Твари смотрели с его полотен с нечеловеческим равнодушием. Мэтт никогда не признался бы в этом даже себе, но он боялся заглядывать в глаза нарисованным монстрам.

Иногда бедняга забывался и не замечал, что грифель сломался, карандаш треснул в его руке, щепки впиваются в пальцы и ранят их. Он дорисовывал картины кровью, и это никого не удивляло. Чем же еще питаться тварям, которых он рисует, как не кровью...

Мэтт не сразу сообразил, что замер посреди лестницы, вцепившись в перила. Дэвид опять смотрел на него очень внимательно, но, к счастью, пока молчал.

– Извини, я зависаю, – пробормотал он, поспешно спускаясь.

На разговор о книге Дэйв его все-таки «развел». За столом от собеседника не скрыться, не убежать же с тарелкой в ближайший темный угол, затыкая уши, чтоб не слышать вопросов. А хотелось.

– Ну что я могу сказать, я же не литературный критик, – Мэтт старательно ухмылялся, чтоб не демонстрировать растерянность. – Этаким небрежный, панибратский, можно сказать, стиль. Будто разговор в пабе между приятелями. Но ты

выбиваешься из образа местами, серьезно. Кровь, понимаешь ли, «алеет экспрессионистскими мазками»! О господи, Дэйв, ты что, и правда думаешь о такой вот херне, когда смотришь на труп?

– Ты и представить себе не можешь, о какой херне я иногда думал на работе, – Дэвид был неожиданно серьезен, и это было хреново. Его поведение оставляло все меньше шансов свести все к шутке. Мэтт понимал, о чем именно этот разговор, но оттягивал решительный момент до последнего.

Черт бы его побрал с этими откровениями. Вроде и так все достаточно паршиво, ну зачем добавлять в жизнь Мэтта еще и тот факт, что единственный человек на свете, к которому он приполз, потеряв все – законченный псих?

– Ладно, только не говори мне, – не выдержав, Мэтт с шумом отставил кружку. – Не говори мне, что ты это всерьез. Все эти... духи. И мертвецы.

– Кое-что я приукрасил, конечно, – Дэйв не смотрел ему в глаза. Смотрел на свои руки, бесцельно теребящие край скатерти. – Я не всегда их вижу, иногда просто чувствую. Как чувствую связи между людьми. Их настроение, прежде чем они откроют рот. Слушай, я не знаю, что из этого мистика, а что наблюдательность. Но ты же сам видел, ты же сам говорил мне, что я будто насквозь их вижу, помнишь? А как я раскрыл тот «висяк» с утонувшей девчонкой? Ты же не верил тому, что я плел детективам. Ты не дочитал еще про это?

– Извини, я не могу это читать, у меня башка лопается, –

Мэтт обхватил голову руками, словно иллюстрируя высказывание. – Духи. Духи, мать твою. Я чего угодно ждал, только не этого.

– Ладно, – он не видел движения Дэвида, но по звукам понял, что тот занялся чайником. – Знаешь что, забудь. Это неправильно, ты сам только что вылез из своего персонального ада, и тут я со своими духами, глюками, чем бы они ни были.

– Скажи мне вот что, – Мэтт выпрямился. – Прямо здесь и сейчас, в этой комнате, есть кто-то, кроме нас?

– Нет, – совершенно серьезно ответил Дэвид. – Конечно, нет.

– Тогда ладно, – Мэтт усмехнулся. Кривоватая вышла усмешка, но что поделывать, других в запасе не нашлось. – Тогда я могу с этим жить. Пока ты не разговариваешь при мне с пустыми углами, все нормально.

– Здесь их вообще гораздо меньше, и они другие, – Дэвид с заметным облегчением пустился в рассуждения. – Более древние, и ведут себя... с достоинством, что ли.

– О господи, – Мэтт беззвучно рассмеялся. – Нет, не настолько нормально. Давай пока не будем, а?

– Понял, – Дэйв жестом показал, что закрывает рот на замок.

– Знаешь, проще всего ни о чем таком вообще не думать, – через некоторое время продолжил Мэтт, склонившись над тарелкой. – Не верить ни в какую мистику. Не ве-

ритель и не видеть ничего. Либо видеть и... принимать как должное, что ли. А вот поверить, но по-прежнему не видеть... это же страшнее всего.

– Я понял. Слушай, ты потом когда-нибудь все-таки дочитай книгу. Серьезно, тогда будет понятно гораздо больше...

– Кто о чем, а ты о своей книге... Ладно, обещаю. Если раньше не свихнусь.

В доме по-прежнему был зверский холод – непонятно, как Дэйв тут жил все это время. После ужина они наконец вплотную занялись камином и вытряхнули из трубы чертову тучу свалявшихся дубовых листьев.

– Где-то в доме были щипцы и кочерга, точно их видел, – сообщил Дэвид, вытирая пот со лба.

Руки у него, конечно, были в золе, и на физиономии остались черные полосы. Мэтт усмехнулся.

– Помню твою квартирку времен стажировки, да... Так и не научился наводить порядок?

– Что есть порядок? – выпрямившись, Дэйв принял горделивую позу, достойную греческого философа. – Существует ли идеальное, единожды установленное и незыблемое расположение вещей и явлений на оси мироздания, или же мир есть бесконечно текучее, динамичное множество форм единой энергии, перетекающих друг в друга?

– Да ну тебя нахрен, – все еще смеясь, Мэтт направился к лестнице. – Откуда хотя бы начинать поиски?

– Рядом с моей спальней комната мамы. Я не разбирал

ее с момента переезда... Если честно, я вообще только в гостиной и спальне прибрался. Посмотри там... Если найдешь еще что-нибудь, свистни. Какую-нибудь давно потерянную историками средневековую рукопись, Святой Грааль или кости динозавров...

Вот так вот просто взял и впустил его в комнату не так давно умершей матери. Мэтт чувствовал себя почти расхитителем гробниц, осторожно поворачивая ручку старой, рассохшейся двери.

В комнате пахло пылью и влагой, может, даже плесенью. Он брезгливо повел носом. Развести бы печь пожарче, и протопить весь дом, чтобы выгнать сырость.

Мутное зеркало в углу, казалось, уже разучилось отражать окружающую действительность. Большая старинная кровать еще хранила остатки кружевного полога. Когда-то, вероятно, эта комната была обставлена со вкусом и со знанием дела. Что за человек жил здесь? Мэтт покопался в памяти и был вынужден признать, что о родителях Дэвида он не знает практически ничего.

Он поискал взглядом фотографии на стенах или полках, но там обнаружилась только пара пейзажей в рамках.

На полу беспорядочными стопками были свалены старые вещи, в углу возвышалась пирамида из перевернутых стульев – похоже, Дэйв убрал из прихожей всю лишнюю мебель. Слой пыли подсказывал, что произошло это давно. Кочерга действительно обнаружилась здесь – лежала себе на прикром-

ватной тумбочке, покрытая вездесущей пылью.

«Как он здесь жил два года, интересно? Как зимовал, не растапливая печь? И еды нормальной в доме не водится... и...»

Мэтт замер. Остановился посреди комнаты, врос в ковровое покрытие нелепым соляным столпом из библейской притчи.

А потом сполз на пол, судорожно хватая ртом воздух. Он вспомнил.

В сознание вихрем ворвались воспоминания, точно осколки разбитого зеркала взлетели с пола, собираясь в причудливую мозаику.

«Ты же умер, сволочь такая. Тебя же убили на задании».

Он тогда сбежал из больницы, чтобы попасть на похороны. Это его ранили в руку, а Дэйву повезло меньше, пуля пробила легкое. Он не дотянул до приезда «скорой»...

Перед глазами мелькали картинки. Мэл держит его под руку, заботливо прикрывает от дождя огромным черным зонтом, они все под зонтами, словно стая неторопливых летучих мышей, на мгновение сложивших крылья... он почему-то смотрит на кладбище сверху, поднимаясь все выше, и вся картинка будто выцвела, ни единого цвета, только от-

тенки серого...

Почему все черно-белое, почему почемупочему

И тут же, будто издеваясь над ним, память подбрасывает совсем иное. Разговоры, смешки, ненавистные рожи старых-новых сотрудников. Некто Фиббс, рыжеватый тип с длинным носом, он держит в руках ярко-красную кружку и говорит: «Ты читал книгу Дэвида?»

Ярко-красную, рыжий, синяя форма, сизые прожилки на носу под кожей, все цветное

Почему они так говорят, ты же умер, ты умер, я вспомнил, ты умер и бросил меня

Мэтт провел по лицу ладонью, оставляя, наверное, такие же черные следы на лице, как Дэвид парой минут назад.

«Я же подсел на наркоту, чтобы сбежать от боли, я не смог спасти тебя, не успел...»

Влажный сумрак комнаты навалился на него, обнимая липким ватным пологом. Тишина была оглушительной. Тишина пустого заброшенного дома.

Мать Дэвида умерла и оставила ему в наследство этот дом, вроде так говорили. И дом стоял заброшенный, пока один

псих не приперся туда в поисках потерянных воспоминаний, так, что ли?

«А потом в салон зашла женщина и села на то же место. Села прямо сквозь него, понимаете?»

Только вот если верить этой невесть откуда возникшей книге, мертвецы бесплотны. А Дэйв подхватил его на пороге. И...

И девчонка из магазина, она же не предлагала Мэтту посетить могилу писателя, в самом деле. Господи, да что за бред. У него просто шестеренки в мозгах заело, и все. Или...

Или ты тоже умер, приятель. И пришел в страну мертвых, автостопом приехал, можно сказать. А местные духи были столь любезны, что указали дорогу. Начиная с той старухи.

Руна Вирд, пустая руна. Нет у тебя судьбы, имя стерли из книги жизни, а глаза уплыли в океан и превратились в морских ежей.

Ты сдох на ступеньках очередного инспектируемого притона, где задержался на несколько дней для «проверки». А психушка была вратами чистилища, где томятся такие же потерянные души. Или...

Ты умер во сне, придавленный транквилизаторами, привязанный к койке, залитый собственной блевотиной. Скачок давления в истерзанной наркотиками башке, кровоизлияние в мозг, коллапс. И тогда они обмыли и отпели тебя, дали в руки несуществующую книгу и вывели на порог. Или...

Тот дальнобойщик приложил тебя башкой о камень, и ты остался валяться там, лицом к океану. Или...

Волны унесли твое тело, а растерянная душа осталась на месте, и мерзкая старуха пришла засвидетельствовать появление еще одного пленника в своих владениях.

Или тебя пристрелили еще там, в доках, и ваши с Дэвидом тела спихнули в океан, бок о бок, и все это – предсмертные фантазии агонизирующего мозга...

Дэйв послал его за кочергой, потому что сам не может ее взять. Мертвецы и духи не выносят холодного железа, каждый это знает. Они не разводят огня, ведь огонь разрушает магию фейри. Окружи колыбель тлеющими угольками, чтобы они не подменили ребенка, подвесь над дверью подкову. Не ходи танцевать на холме, чудная девушка Ли, этот холм слишком любит маленький народец, что если они захотят увести тебя в чертоги своего короля?

Одним рывком добравшись до тумбочки, Мэтт потянулся к кочерге. На какое-то невообразимо страшное мгновение ему показалось, что пальцы сейчас пройдут насквозь, но потом ледяной металл коснулся кожи, почти обжигая ладонь, и он облегченно выдохнул. Перехватив кочергу поудобнее, на манер более привычной руке полицейской дубинки, он выскользнул из комнаты.

Книга все еще валялась на постели, небрежно заложенная уголком одеяла. Мэтт схватил ее, лихорадочно проли-

стал с конца. Реклама издательства, данные о тираже... а вот и последняя глава. Кажется, она должна заканчиваться словами «я умер». Или «мы оба умерли». Это будет... разумно, да. Самый честный финал любой истории.

Однако слова на последней странице были иными. «... Будьте осторожны», – прочитал он и поднял глаза.

Дэвид стоял в дверях, глядя на него с совершенно нечитаемым выражением лица.

– Все в порядке? – спросил он. Мэтт невольно попятился к окну.

– Я помню твои похороны, – пробормотал он. – Господи боже мой, я их помню. Как будто это было со мной и одновременно не со мной. Я стоял там и одновременно летел, и поднимался все выше, и не было ни единого цвета. Сукин ты сын, скажи мне, что ты не помер. Тебя же убили в доках, в тебя всадили пулю, я прибежал, а ты хрипел, истекая кровью.

– Я не хрипел, я орал, мне было больно, мне же попали в руку, – очень осторожно, не спуская с него глаз, произнес Дэвид. – Ты перепугался, как девчонка, и выл надо мной «не умирай, не бросай меня!» Тут они и тебя подстрелили. Мы оба провалялись в больнице больше, чем положено по стандартной страховке. Потом я уехал. Мэтт, положи кочергу, мне очень не хочется получить ею по башке из-за твоих галлюцинаций.

– Ты прожил тут два года и ни разу не затопил камин. Дом

совершенно заброшен, в холодильнике не было еды, когда я приехал. Ты питался одним молоком, да? Фейри воруют молоко у людей, каждый ребенок знает...

– Так я теперь фейри? Или все-таки мертвец? – Дэвид осторожно приближался к нему, не спуская глаз с его импровизированной «дубинки».

– Откуда я знаю? Может, ты вообще никогда не рождался на свет. Может, твоя мать растила подменыша.

– Была и такая версия, – Дэйв бегло улыбнулся. – Каждый раз, когда я не слушался родителей. А еще мне всегда было плевать, что есть и на чем спать. Помнишь, как ты ржал, когда впервые увидел мою квартиру? Эй, мы же только что об этом говорили!

Мэтт замер. Он вспоминал.

– Твои шмотки валялись повсюду, а из мебели – одни ящики с логотипом транспортной компании...

Картинки мелькали в голове, цветные и черно-белые вперемишку. То, что было. То, чего не было. Мэтт ловил их, пытаясь прикрепить булавками к белому полотну сознания, точно бабочек, опрометчиво залетевших на огонек.

– Мне просто лень было разбирать их после переезда... – голос Дэвида заставлял образы вспыхивать ярче. Правильные картинки, цветные.

«Пусть так и будет, перепишем мою память заново, я согласен».

– Я никак не мог понять, как же так, ты приходил на работу весь такой правильный, с отглаженным воротничком...

– А сейчас я наконец-то никому ничего не должен, и вот, посмотри, у меня нет ни единой чертовой рубашки, которую нужно гладить, ни одного накрахмаленного воротника. Мэтт, посмотри на меня. Ты же меня знаешь. Господи, да только ты меня и знаешь на этом свете.

Он подошел ближе. На расстояние удара. Мэтт вытянул перед собой треклятую кочергу.

– Возьми ее.

Дэвид осторожно высвободил металлический прут из его пальцев и прислонил к стене.

– Я не топил камин, я ходил по дому в двух свитерах. Я писал книгу, мне было не до того. Я закупался консервами и жрал их, не запоминая названий. И не всегда замечал, день на улице или ночь. Мне так многое нужно было вытащить из памяти, отряхнуть от пыли и разложить по полочкам, по строчкам, по метафорам и иносказаниям. Может, в каком-то смысле я и умер. Но сейчас возвращаюсь к жизни. И камин я растопил.

– Я думал, ты не сможешь коснуться железа, – выдохнул Мэтт. – Черт бы тебя побрал, а того черта чтоб кошка унесла...

– Вообще-то наоборот, – Дэвид усмехнулся. – Так легко сбросить маску цивилизованного человека, правда? И дня

не прошло, а ты уже веришь в призраков и силу холодного железа... Пойдем вниз, ты весь трясешься, надо согреться. И морду умой, а то похож на хренова угольщика или шахтера.

– На себя посмотри, – огрызнулся Мэтт. – Такой же.

Он спустился по лестнице, с трудом вспоминая, как это – сгибать и разгибать ноги. Дэвид накиннул ему на плечи плед, почти силой впихнул в кресло у камина. В руках у него невесть откуда появилась бутылка и стаканы.

Благородный, темно-янтарный виски чуть искрился в отсветах пламени.

– А днем этот человек запрещал мне кофе, – усмехнулся Мэтт, забирая второй стакан.

– Не буду врать, выпить нужно в первую очередь мне, – Дэйв ответил похожей усмешкой. – Я чуть со страху не помер, когда увидел тебя с кочергой, и рожа безумная – дальше некуда. Вот тут, думаю, эта история и закончится. Прodelают мне дыру в голове, и поделом. Нечего людям картину мира переворачивать, когда у них и без того крыша протекает.

– Бывает такая штука – ложные воспоминания. Наверное, это оно и было...

– Или тебе на секунду открылся... ну, параллельный мир, что ли. Может, судьба – она не как нить, а как дерево. Одна ветка так, другая этак... Могли и пристрелить меня тогда, чего уж там.

Он снова пытался имитировать «деревенский» говор,

словно подчеркивая легкомысленный тон. Может, только так и надо говорить о серьезных вещах, подумалось Мэтту. Одна ветка так, другая этак... В иной ситуации Дэйв сослался бы на какую-нибудь заумную хрень, припомнил бы «многომировую интерпретацию квантовой механики», к примеру. Но с деревом, конечно, понятнее. Вот так пусть в книжках и пишет, правильно все. Легкомысленно, будто в пабе языком чешет. Призраки вокруг, обычное дело, почему нет?..

– Я судьбу свою уже поменял. Когда взял вторую фамилию, – неожиданно продолжил Дэвид.

– Да, что за история? – Мэтт встряхнулся.

По крайней мере, в этой истории не должно быть призраков и духов.

– Дед, – короткая реплика сопровождалась секундной гримасой. – Дед с маминой стороны, у него пунктик был, знаешь, продолжение рода, все дела... Очень гордился нашей родословной, нашел там кучу важных лиц... и ни малейшей примеси англосаксов, как он всегда орал. Хрен его знает. Если семья поддерживает чистоту крови, рано или поздно начинают уроды рождаться. У меня аж два кузена... с отклонениями. Я вот тоже, видишь... по башке стукнутый, хотя мне-то что хвалиться чистотой крови, отец ведь совсем не из этих мест.

– Про деда ты рассказывал, – кивнул Мэтт. – Получается, некому было продолжать... фамилию?

– О чем и речь, у него только дочери были. Получается, прервался славный род О'Хэйсов, растворился в других. Собственно, этот дом – последние, так сказать, осколки родового гнезда... В общем, это дед постарался. Наследство я мог получить, только если возьму его фамилию. Как старший из внуков, хотя, конечно, откажись я от дома, братишки подсустились бы тут же, не сомневайся. А мне что, я генеалогией никогда не заморачивался... Но свалить в глушь – ровно то, что мне было нужно. Да и звучит круче. Писателю звучное имя только на пользу, верно же?

Мэтт заторможенно кивнул. Он смотрел в пламя, и пляска огненных языков, жадно пожирающих стопку дров, довольно успешно вводила его в легкий транс. А может, алкоголь подействовал. Чертов Дэвид, ленивая задница, не мог за два года толком прибраться в собственном доме. Лови из-за него глюки из параллельных миров теперь...

Он засмеялся, и ему показалось, что смех срывается с губ разноцветными облачками. Разноцветными. Не черно-белыми. Если это правда, если он в стране мертвых или в заколдованной земле фейри, пусть будет так, пока здесь есть цвета. И пока живы те, кто мог бы умереть. Только...

– Быстро тебя развезло, – проворчал Дэйв и убрал бутылку. – Не стоило мне...

– Ерунда, – Мэтт поднялся, кутаясь в плед. – Слушай, я хочу позвонить. Нужно сказать родителям, что я жив, по крайней мере. Мэл наверняка их уже просветила, но и мне

не стоит быть совсем уж бездушной скотиной, как думаешь?

– Конечно, – Дэвид подошел к двери прихожей, махнул рукой, указывая, где искать телефон. – И кстати, я не совсем понимаю, почему ты не поехал к ним. То есть, конечно, мне лестно осознавать, что я оказался твоей последней надеждой, но...

– Стыдно, – Мэтт замер над телефоном, вспоминая номер и код графства. – Отец и так мной вечно недоволен. А сейчас... сейчас, он, наверное, просто плюнет мне в рожу, и будет прав. Меня всегда учили, что из проблем я должен выбираться самостоятельно. Ты говоришь, что единственных детей балуют, а вот хрен там. Не могу я приползти к ним и сказать «моя жизнь в руинах, сделайте что-нибудь». Это я им должен помогать, черт возьми, моя очередь.

– Ладно. Не буду мешать...

Дэйв исчез за дверью гостиной, и словно растворился – даже шагов его не было слышно. Мэтт поспешно снял трубку и потянулся набрать номер.

Бесполезно. В трубке не было гудка, только свист и треск, точно из радиоприемника, не настроенного ни на одну станцию.

Этот телефон вообще не подключен к линии, придурок.

Он нажал на рычажок, постучал им несколько раз. Никакого эффекта.

Рука сама собой потянулась к нагрудному карману – за несуществующей сигаретной пачкой. Когда стадия исте-

рики и стадия отрицания пройдена, что остается? Закурить и подумать.

«Тебе не хочется курить, все эти дни ни разу не тянуло. Все, что осталось – привычное движение руки. Мертвецы не курят».

– Это потому что я лечился от наркомании, мать вашу, – прошипел в пространство Мэтт. – Какие уж тут сигареты, когда и жить-то не особо хочется.

В комнате был полумрак, только свет из-за стеклянных квадратов в двери и позволял видеть цифры на диске. В голове уже сложилась очередная черно-белая картинка.

Он стоит среди пыльного, заброшенного дома и пытается набрать номер на давным-давно отключенном телефоне. А в гостиной горит камин, который он растопил из обломков мебели, потому что дров не было. И никого там нет, никого больше нет в доме, господи

Мэтт ворвался в комнату, не замечая, что плед соскользнул с его плеч, не замечая охватившего тело холода. Изнутри поднимался холод пострашнее.

– Что опять? Темноты испугался? – за ехидным тоном Дэвида проглядывало неподдельное беспокойство.

– Связи нет, – сказал Мэтт, глядя на него в упор.

«– Дом писателя? Не знаю, может кто и был из них писа-

телем, да только мы ничего такого не слышали. Старый дом О'Хэйсов, у холма он стоит, у подножия. Лет десять уже как заброшен, как Мэдди померла, никого не осталось, последняя она была, – толстушка поправляет шарфик на шее. – Земля там плохая, никто не позарился.

Серый шарфик на серой шее. Серая девушка за прилавком кивает, подтверждая ее слова. У нее темно-серые волосы».

– Помехи на линии, значит, где-то гроза, а может, и подстанцию залило... Мэтт, да что с тобой?

– Я хотел, чтобы они сказали мне, что я живой, – Мэтт рухнул в кресло и до боли стиснул подлокотники. – Мне уже не выбраться из этого тумана, так? Скажи мне правду, Дэйв, черт тебя дери, ты же никогда не врал мне...

– Сразу видно, ты не дочитал мою книгу, иначе не был бы так уверен насчет вранья.

Мэтт смотрел на огонь. Хотелось прикрыть глаза и забыться, но было слишком страшно, казалось, только моргни – и окажешься в пустом доме, перед погасшим камином, в одиночестве.

На колени ему шлепнулся мобильник.

– Звони. Уже поздно, но лучше ты их разбудишь, чем сойдешь с ума окончательно.

Мэтт не сразу сообразил, какие кнопки нажимать. Телефон казался вещью из иного мира, магической дикови-

ной. У него мобильный отобрали еще при аресте... окей, это не было формальным арестом, просто бывшие коллеги решили активно поспособствовать возвращению его на путь истинный. Что есть истина и что есть путь, спросил бы он, будь у него настроение пофилософствовать. Но не сейчас.

Длинный гудок. Длинный гудок. Длинный, мать его в бога душу, гудок.

– Они спят, – предположил Дэвид, на этот раз решивший не исчезать тактично за дверью. – Или поехали куда-нибудь в гости. Или развлекаются на осенней ярмарке. Они молодцы у тебя, я помню. Живут активной жизнью. Не сидеть же им у телефона в ожидании звонка. Черт, да они же у Мэллори, наверное. Приехали встречать тебя, а что? Вполне себе вариант.

– Ладно, – Мэтт вздохнул, прерывая вызов. Знакомый звук гудка несколько примирил его со взбесившейся реальностью вокруг.

Может, Дэвид и сам не знает, что умер.

Может, он тоже звонит кому-то по выключенному телефону.

Заткнись заткнись заткнись

– Ладно. Все нормально, правда. Позвоню им утром. Я лягу спать тут, на диване, ладно?

– Ты можешь лечь в спальне, все равно я ночью собирался работать, – Дэйв мотнул головой в сторону стола с ноутбуком.

– Как скажешь, – Мэтт поднялся. – Твори, раздвигатель границ реальности или как там тебя в рецензиях обзывают. Пойду посплю, может, и правда крыша на место встанет.

Стоило бы добираться до постели с закрытыми глазами, чтоб не увидеть ничего лишнего. Но ему захотелось проверить, не скрылся ли чертов туман. Из-за него все и так напоминало дурной сон.

Ветер действительно чуть рассеял туман, и над открывшимися взору ночными холмами даже виднелись редкие звезды в прорехах облаков. Посреди пустоши мрачной россыпью глыб возвышались развалины. На верхушке потрепанной временем каменной башни Мэтт с удивлением заметил свет.

Туристический объект? Конечно, не стоять же руинам замка или крепости без дела...

В памяти всплыла карта автодорог, подсмотренная у случайных попутчиков. Там, естественно, были отмечены все мало-мальски интересные «культурные ценности». Со всей сопутствующей, как это называется, инфраструктурой. Придорожными мотелями, сувенирными киосками.

К этому замку даже дороги не было. Он прятался за холмами, на границе пустоши и маленького городка в стороне от трассы.

И какого же хрена там светится?

Мэтт некоторое время всматривался в неверный, дрожащий огонек, и тот вдруг погас, будто испугавшись столь пристального взгляда. На фоне темных замшелых камней, когда-то составлявших, видимо, внешнюю стену замка, появилось белое пятно и целеустремленно двинулось в сторону поселка... или в сторону дома. Деталей на таком расстоянии было не разглядеть, но по движениям похоже было, что человек в длинном белом одеянии неспешно идет по тропинке, огибающей холм.

Все верно, должен же кто-то присматривать за «памятником старины». Погасил подсветку и пошел домой, в поселок. В длинном белом дождевике.

Фигура ненадолго скрылась за изгибом холма, и Мэтт почему-то не смог заставить себя отойти от окна, пока не увидит ее снова. Потому что если этот белый силуэт так и не покажется из-за поворота, это будет значить, что он растворился в воздухе.

«Если он исчезнет, куплю сигарет», – загадал Мэтт. «Невозможно же без курева в этом дурдоме».

Но загадочный смотритель замка не исчез, он появился на положенном месте, на едва заметной тропинке, ведущей к поселку. Он... или она, потому что теперь стало видно длинные светлые волосы, рассыпавшиеся по плечам, и одеяние, скорее напоминающее легкое платье, нежели плащ-дождевик. Перед собой женщина несла то ли фонарь, то ли све-

чу, и свет окутывал ее силуэт мягким желтоватым ореолом.

Тропинка сворачивала к поселку, и женщина сошла с нее, направляясь напрямиком к дому – теперь уже сомнений быть не могло. Она шла по высокой траве, не касаясь ее, не сдвинув ни единой травинки, вопреки законам физики не приминая к земле высокие куртины чуть побледневшего по осени вереска. Там, где из-под платья должны были выглядывать ступни ног, клубился туман.

Мэтт выскочил из комнаты, матерясь сквозь зубы.

– Дэйв, посмотри в окно спальни. Поднимись и посмотри. Сейчас же, мать твою.

Наверное, тон его голоса говорил о многом – Дэвид даже не стал уточнять, в чем дело. Поднялся, встал рядом с ним у окна, окинул взглядом пустынные холмы.

– Она была здесь, – тихо сказал Мэтт. – Клянусь тебе чем угодно, сюда шла женщина. Через поле, в одном платье, со свечой.

– Это... ничего страшного, – Дэвид, кажется, несколько не удивился. – Не надо ее бояться. Она не придет сюда.

– Кто... она?

– Ложись спать, Мэтт. Я тебе обещаю, никто не войдет в этот дом. Он защищен от духов надежнее, чем две трети церковей в этом графстве.

– Духи... опять духи, – Мэтт обессиленно опустил на край постели и спрятал лицо в ладонях.

– Она ведь молчала? – зачем-то уточнил Дэвид. – Не го-

ворила ничего?

– Еще не хватало, чтобы говорила!

– Тогда все нормально, правда. Не беспокойся ни о чем.

– Ты что же, знаком с ней? Это... часто такое здесь творится?

– Это просто один... ну, семейный дух, скажем так. Эти развалины на холме когда-то принадлежали моему семейству.

– А, так ты у нас из знатного рода, к тому же? – нервный смех неприятно царапнул горло. – Столько открытий за один вечер.

Выйти на трассу, поймать первого встречного на четырех колесах и бежать, бежать отсюда... куда?

Дэвид внимательно смотрел на него, словно что-то решая.

– Погоди-ка...

Он вскоре вернулся со свернутым в рулон одеялом, швырнул небрежно на постель.

– Во-первых, ложись спать и прекращай, наконец, бредить наяву. Во-вторых, подвинься.

– Какого хрена ты делаешь?

Стянув через голову свитер, его напарник с невозмутимым видом забрался в кровать. На пока еще относительно белой постели немедленно отпечаталась каминная сажа – видимо, просто отряхнуть штаны после чистки камина было недостаточно.

– Я не смогу всю ночь сидеть там внизу и беспокоиться,

какого хрена еще тебе взбредет в голову. Ложись спать, кровать широкая. И не беспокойся насчет духов, ладно? Я буду рядом.

– Внизу, в конце концов, теплее, – пробормотал Мэтт, сдаваясь. Стыдно признаться, но так и правда было спокойнее. А на этой постели могла разместиться еще пара человек.

Дэйв тут же накинул на него край второго одеяла.

– Не замерзнешь.

– Оно воняет, бля, овцой, – Мэтт подтянул к себе ткань, с сомнением принюхиваясь.

– Потому что его сделали из, бля, овцы. Тоже мне, городской ребенок, шерсти не видел?

– Пидорство какое-то, – проворчал Мэтт, заползая под одеяло глубже. Дурацкий треп его странным образом успокаивал, возвращая к реальности.

– Если тебя это утешит, на этой самой кровати я трахался с двумя девчонками одновременно, – довольным тоном сообщил Дэвид.

Он явно все прекрасно понимал, насчет трепа, насчет состояния Мэтта, насчет чертовых духов, которые бродят в тумане за окнами. И старался как мог.

Мэтт не смог сдержать смешок.

– Да ладно?

– Читательницы. Приехали издалека, пообщаться про... духов и все такое. У одной грудь офигенная, у другой жопа. Не смог выбрать. Хотя они не очень-то и настаивали на вы-

боре...

– Теперь мне все понятно. Вот зачем тебе это писательство.

– Вот для этого самого, точно. Ну и еще – раздвигать границы реальности.

– Ну нахрен, – резюмировал Мэтт и повернулся на бок, чтобы не видеть треклятое окно. Ему все время казалось, что некто вот-вот посмотрит на него сквозь стекло.

Он хотел вспомнить слова хоть какой-нибудь молитвы, но этот участок памяти был запрятан где-то глубоко меж сумбурных пятен, заполненным всеми оттенками черного и белого.

И, словно подсказывая альтернативу, глубоко в голове возник шепот – чужой и странно знакомый голос:

– Я взываю к семи дочерям моря...

«Ну нахрен», – уверенно повторил про себя Мэтт, и голос исчез.

4. Осенняя ярмарка

Так уж случилось, что самые интересные истории происходят осенью. Конечно, смотря что считать интересным. Тут я мог бы привести множество лицемерных фраз о том, что понятие это субъективно, но давайте будем честны с собой – «самыми интересными» мы считаем истории, где убивают людей, желательно – с особой жестокостью. Мы сами стали подобны голодным осенним духам, алчущим жестокости и крови.

Осенняя ярмарка – всегда примечательное событие. Если тебе десять лет или меньше. Когда же ты рядовой полицейский, осенняя ярмарка означает в первую очередь несколько беспокойных смен подряд. Если, конечно, начальство не придумает что-нибудь совсем уж из ряда вон. Ребятам из соседнего отделения однажды не повезло – им пришлось поработать в буквальном смысле слова экспонатами на одной из подобных ярмарок. Кто-то придумал такую акцию, вроде как, полиция должна быть ближе к народу. Любопытные детишки приставали с вопросами, залезали в патрульную машину и с важным видом нажимали на кнопки, включая-выключая сирены. Это, должно быть, выглядело ужасно мило. Первые полчаса.

«Я бы там сдох» – лаконично отозвался о ситуации мой напарник.

Впрочем, так он говорил в те наивные и беспечные времена, когда еще не был примерным семьянином и отцом двух чудесных крошек. Признаюсь, иногда я эгоистично жалею, что все изменилось. Вдвоем было немного веселее «патрулировать» окрестные бары в поисках скучающих юных леди...

Милая Мэллори, если вдруг ты это читаешь, умоляю, не устраивай ему сцен. Конечно, в глубине души твой муж всегда знал, что именно ты предназначена ему небесами, но должен же он был проверить это экспериментально?

Так вот, ярмарка – это традиция; как обычно и происходит с большинством традиций, смысл ее со временем искажился до неузнаваемости. По сути своей это ведь праздник сбора урожая, радость завершения страды, пожинание плодов. Время, когда трудолюбивый человек получает причитающееся, а лентяй остается ни с чем. Странно наблюдать, как этот благодатный период используют для проведения своих многочисленных бизнес-форумов люди, которые в жизни ничего не производили и не произведут.

Считайте меня анархистом, марксистом, антиглобалистом, я рассмеюсь и отвечу, что не знаю таких умных слов, но мне кажется странным, что на современных ярмарках торгуют воздухом, словами и ярлыками, в лучшем случае – бумагой. Если хотите почувствовать дух осеннего праздника урожая, бегите прочь из деловых кварталов, заверните на один из сезонных рынков возле порта, где обычно торгуют рыбой, и наглые чайки с утра толкуются среди покупателей,

устраивая свары, достойные их духовных собратьев в костюмах и галстуках, торгующихся на бирже. Там по осени на прилавках появляются горы разноцветных фруктов и тюки мягкой шерсти, будто приехавшие сюда на телеге средневекового крестьянина. А под прилавками прячется точно отмеренный контрабандный товар в безликих серых пакетах, но об этом знать совсем не обязательно, если ты очарованный атмосферой турист, а не полицейский при исполнении, конечно.

Но ярмарка – это не только натуральный обмен несуществующими благами и пир контрабандистов. Это все-таки и музыкальные фестивали, и аттракционы, и китайские фонарики в небе, и веселые компании на улицах, с полуслова запевающие вдруг твою любимую песню. Если еще и выдастся вечер, свободный от дежурства, и прелестная спутница найдется – о чем еще мечтать.

А спутница моя в тот вечер была особенной. Из той редкой, исчезающей породы девушек, за которыми еще хочется долго и красиво ухаживать. Провожать до дома и – по крайней мере, в первый раз – на прощание лишь поцеловать руку, оставив даму крайне заинтригованной. Конечно, это не отменяет возможности, отойдя от ее крыльца на пару кварталов, найти на ночь кого-то попроще. Романтика романтикой, но полноценный выходной – слишком редкая штука, чтобы упускать шанс как следует расслабиться, верно?

Однако вечер едва начинался, когда мы с прекрасной да-

мой чинно прогуливались под руку по украшенному в честь ярмарки городу. Сначала петляли по центру, смотрели представления уличных фокусников и кидали монетки многочисленным музыкантам, наполнявшим пространство народными мелодиями наравне с вольными аранжировками Doors и U2, а потом, утомленные шумом и толпой, свернули в парк. Здесь было потише, нам встречались лишь редкие группки туристов и влюбленные, оккупировавшие немногочисленные лавочки.

По крайней мере, некоторые парочки уж точно были влюблены.

Из множества странных вещей, мозолящих глаза мне и недоступных остальным, эта еще довольно безобидна: иногда я вижу связи между людьми. Не знаю, как и описать это; вот, например, между влюбленными воздух будто наполнен множеством крошечных электрических разрядов. А когда мальчишка-наркоман, озираясь по сторонам, подходит к стоящему на перекрестке уличному дилеру, я замечаю краем глаза, как дерганым, конвульсивным движением тянутся от него к этому подонку темные и липкие нити зависимости. Если двое ссорятся – вижу, как клубится над ними багровый туман. А человек, только что убивший кого-то... поверьте, если бы вы это видели своими глазами, ни с чем бы не перепутали.

Куда же мне было идти с таким даром, как не в полицию, верно?

Но в такой вечер совсем не хочется быть полицейским, да и провидцем, посвященным в тайны мироздания, тоже. Пусть кружатся вокруг блестящие искорки, если им так нравятся.

В листве деревьев над аллеей тоже что-то мерцало. Для светляков не сезон, для электрических гирлянд не самое подходящее место. Я не рискнул спрашивать свою спутницу, видит ли она эти огни. Так ли это важно, если осенний ветер пахнет глинтвейном, где-то за деревьями звучит гитара, а теплые девичьи пальцы переплетены с моими?..

Мы и сами не заметили, как забрели в самый дальний и темный угол парка. Раньше здесь круглый год сверкала огнями карусель, а теперь часть территории была отгорожена и закрыта на ремонт, о чем недвусмысленно сообщала табличка на ограждении.

– Здесь тупик, – разочарованно вздохнула моя спутница. – Куда ты меня завел? Пойдем обратно...

Думаю, она сочла ситуацию довольно подозрительной – глухая, заброшенная часть парка, а на улице шумный праздник, никто не услышит крики... Мало ли маньяков породила современная массовая культура, этих самых маньяков усердно прославляющая? Могу понять опасения юных девушек, в каждом встречном невольно подозревающих дурной умысел.

Я собирался немедленно развеять ее сомнения и повернуть назад, к залитым светом аллеям, когда услышал музыку.

Вопреки здравому смыслу, звуки доносились из-за ограждения, хотя ни один из тамошних аттракционов явно не работал, и людей там быть никак не должно было.

– Ты слышишь это? – осторожно спросил я девушку.

– Что-то народное, – ответила она без особого интереса.

Меня же мелодия странным образом зацепила. Она казалась давно знакомой и почти родной, хотя где я мог ее слышать, память сообщить отказывалась. На мгновение возникло ощущение, будто эту песню напевала мне мать в глубоком детстве, хоть это и было весьма маловероятно: в сознательном возрасте я никогда не замечал за ней ни малейшей склонности к пению.

И в то же время было в этой музыке нечто чуждое, нечто очаровательно нездешнее, что выгодно отличало ее от всего прочего, что исполняли уличные музыканты на захваченных праздником улицах.

– Откуда здесь музыка? – я в растерянности застыл перед забором с табличкой, стараясь разглядеть хоть что-то в темном переплетении деревьев и кустов, окружавшем заброшенную карусель.

– Может, здесь сторож или смотритель... он и слушает?

– Знаешь что, давай проверим, – мелодия упорно не желала отпускать меня. Ухватившись одной рукой за невысокий заборчик, я с легкостью перепрыгнул его и подал руку спутнице.

– Нам обязательно искать приключения на свою голову,

да? – подозрительно осведомилась она, но все же перебралась следом. – Учти, моя соседка по комнате знает, с кем я на свидании, я оставила ей твой телефон.

На секунду мной овладело желание жестоко пошутить, сказав что-нибудь вроде «Хорошо, значит, у меня сегодня на ужин две юные девицы вместо одной», но, к счастью, хватило ума промолчать.

Стоило нам отойти от забора всего на несколько шагов, как за деревьями показались огни. Похоже, закрытой на ремонт территорией решила воспользоваться веселая компания молодежи. Нехватку электрического освещения они восполнили с помощью самодельных факелов и фонариков со свечами, а на ровной площадке перед закрытой билетной кассой и вовсе развели костер, самым наглым образом нарушая технику пожарной безопасности.

– Надо бы сказать охране, – пробормотал я, оглядываясь. Вокруг будто бы с каждой секундой становилось светлее, взгляд выхватывал из темноты все новые и новые детали – и притаившиеся в ветвях фонарики, на старинный лад сделанные из выдолбленной репы, и группки людей, вынырывающие из кустов в освещенный костром круг. Как только мы не заметили их с улицы?

– Да тут, как я посмотрю, отдельный праздник, – рассмеялась моя спутница. – Альтернативный. А может, это актеры репетируют?

Тут я, наконец, сообразил, что в окружающих было насто-

раживающим и необычным. Одежда их наводила на мысли о добротной стилизации под прошлые века. Особенно длинные платья девушек с расшитыми подолами и блестящие пряжки на башмаках парней. Может, и правда какой-нибудь танцевальный ансамбль, которому скоро выступать на главной площади, подумалось мне. Или наоборот, «отстрелялись» уже и гуляют.

Музыканты, чья игра так заморозила меня, располагались прямо на крыше билетной кассы. Парню с флейтой, впрочем, места не досталось, и он устроился на невысоком заборчике, окружавшем карусель. Лицо его скрывалось под пластмассовой маской то ли лошади, то ли еще какого неведомого животного.

– А мне тут нравится, – девушка рядом со мной наконец-то прониклась атмосферой и начала пританцовывать в такт музыке. Словно воодушевленные этим, музыканты стали ускорять мелодию, превращая ее из лирической в откровенно танцевальную.

Отовсюду раздался одобрителный смех, и воздух быстро наполнился топотом и хлопками танцующих. У костра закружил быстро растущий хоровод, вокруг нас замелькали лица и маски, и кто-то более ловкий и решительный, чем я, утащил мою радостно хохочущую спутницу в общий круг. Куда только девалась ее былая осторожность – она с восторгом присоединилась к незнакомой компании, нисколько не смутившись того факта, что ее короткое платье не слиш-

ком-то сочетается с костюмами остальных. Признаться честно, и я на некоторое время растворился в этой безумной пляске, забыв совершенно, где я и куда направлялся. Музыка бурлила в крови, как молодое игристое вино, и устоять на месте было решительно невозможно.

Неизвестно, чем бы закончился для нас обоих этот вечер, если бы не одна моя привычка.

У нас в департаменте повсюду развешаны щиты с фотографиями пропавших без вести. Даже возле душевых портреты висят – нашли место, ничего не скажешь. И в коридоре возле кофейного автомата, конечно же. Я, бывало, подолгу простаивал там со стаканчиком в руке, изучая лица потерявшихся детей, подростков и старушек. Людей среднего возраста почему-то находят быстрее – их тела прибывает к берегу вероломное течение, или любопытная собака на окраине городской помойки вытянет зубами край черного мешка для мусора, в котором, порезанный на аккуратные фрагменты, покоится очередной недавно без вести пропавший примерный семьянин... Дети же слишком часто пропадают навсегда, и мне совсем не хочется вспоминать, что твердят на этот счет старинные сказки о народе холмов, обладающем странной тягой к красивым человеческим детенышам.

Девчужке по имени Эстер едва исполнилось четырнадцать, и ее искали уже неделю. Ее родители отдали полиции на редкость удачную фотографию, почти профессиональный портрет. Милое личико в обрамлении золотых локонов так

и притягивало взгляды всех проходящих мимо стенда. Тошно даже подумать было о том, что такое прелестное дитя могло привлечь внимание какого-нибудь больного извращенца. Загружая в организм внеочередную дозу кофеина, я смотрел на ее фото дольше прочих. Если уж судьба наградила меня странным даром видеть скрытое от чужих глаз, могла бы добавить к нему и умение гадать по фотографии, жив человек или мертв, не говоря уже о том, чтобы найти его местоположение на карте. Подобный талант часто приписывают экстрасенсам, и я не раз натыкался на истории о том, как полиция где-нибудь в Штатах успешно находила пропавших с их помощью. Однако в родном департаменте подобных историй мне не рассказывали. Может, однажды я бы и поразил коллег своими сверхспособностями, а пока что мне не всегда удавалось отличать мертвых от живых на улицах города, что уж говорить о фотографиях. Но, видит бог, я старался. Вглядывался в лица на стенде, стараясь уловить хоть что-то, мимолетный проблеск света или тень невидимой тени, застилающей лицо. И собирал статистику по мере сил – с кем угадывал, с кем нет.

Эстер самым бесцеремонным образом сейчас нарушала эту статистику, танцуя в разноцветном хороводе ряженных. Отблески света из самодельных фонарей играли на ее лице, складываясь в причудливые картины калейдоскопа, то заливая черты мертвенной бледностью, то углубляя тени возле глаз, то расцвечивая щеки задорным румянцем.

Заметив девочку, я и думать забыл о танце, и рванулся в центр площадки, не сводя с нее глаз. Хотел бы я думать, что ошибся, но память услужливо подсказывала, что именно эта футболка со смешным рисунком фигурировала в описании под фото мелким шрифтом: «Прочие приметы... была одета в джинсы, футболку... вышла с территории школы в 17.25...» И потом, сложно было не заметить современно одетого подростка среди этой тщательно наряженной к карнавалу толпы.

– Эстер! – окликнул я, и девчонка на мгновение замедлила движение, завертела головой в поисках источника звука. Глаза ее блестели каким-то нездоровым весельем, и меня она словно бы и не видела.

Хоровод дрогнул, разделяясь на несколько «рукавов», и один из них тут же спиралью закрутился вокруг меня. Замельтешили лица, сбивая с толку и заставляя невольно отшатнуться – не все из них были человеческими. Маски, словно у тех музыкантов? Или, скорее, искусный грим? Маски ведь не умеют так скалиться и корчить рожи...

– Эстер!

Девочку я больше не видел, ее унес беснующийся поток танцоров. Один из них вдруг оказался прямо передо мной, ухватил за руки, и мы закружились на месте. Я с ужасом понял, что не могу шевельнуться, и ноги мои будто бы уже и не касаются земли.

Лицо моего оппонента скрывала маска – без сомнений,

всего лишь маска, простой пластиковый кружок с раскосыми прорезями-глазами и черной ниточкой губ. Кажется, точно такие же лежали на прилавках на улице.

– Зачем тебе девчонка? Она уже с нами, она уже наша. Девчонка пляшет, поет, имени своего не помнит. Танцуй и ты. Нынче большой праздник, Луна в Скорпионе, королева в норе, а черви на свободе...

Лучше бы он не говорил ничего. Может, тогда у них и оставался бы хоть призрачный шанс затащить меня в свой бесовский хоровод. А тут я сразу понял, с кем имею дело. Этот свистящий голос, втекающий в уши ледяной водой, мне уже доводилось слышать. Осенние духи – вот кто мог так заморочить голову мне и бедняжке Эстер. Не люди танцевали с нами в эту ночь, и не человеческий это был праздник. Может, и к лучшему, что некоторые из них прячут лица под масками – не уверен, что готов был тогда их увидеть.

Собрав все силы, я выдернул руки из железной хватки чудовища – кто бы мог подумать, что эти создания умеют быть настолько материальными? И, тщетно пытаюсь справиться с накотившим головокружением, снова позвал:

– Эстер!

– Я здесь! – откуда-то донесся девичий крик, и я ринулся на голос. Но не тут-то было – толпа ряженных активно воспротивилась. Каждый норовил заступить мне дорогу, толкнуть или развернуть в другую сторону. Чьи-то холодные пальцы пробирались под одежду, царапали острыми ногтями и ши-

пали. Со всех сторон раздались голоса, визгливо пародирующие крик девочки: «Я здесь! Я здесь!» В глаза бросались странные, искаженные физиономии; некоторые из моих оппонентов, впрочем, выглядели весьма пристойно, пожалуй, даже слишком красивыми были их лица – то была не осенняя мерзость, а веселое летнее племя духов. Да полно, стоит ли так уж решительно проводить между ними границы, раз они не гнушаются плясать в едином хороводе?

– А точно ли она тебе нужна? – насмешливо спросил возле самого уха все тот же свистящий голос. – Может, Эйлиш тебе нужна? Или Эйнджел? Рейчел, Сибил, Кейси?

Передо мной вновь замелькали лица. Женские и девичьи, странно знакомые... определенно знакомые. Все они когда-то были в нашей «портретной галерее» без вести пропавших. А сейчас показывались на мгновение среди танцующих, и вновь растворялись в вихре взметнувшихся рук и скалящихся нечеловеческих рож. Все, как одна – счастливые, смеющиеся, с вплетенными в волосы диковинными цветами.

– Выбери одну, – мне под руку толкался какой-то карлик, а может, до срока состарившийся ребенок, в чьи черты я предпочел не вглядываться – иногда спокойный сон гораздо дороже тайных знаний. – Только одну уведешь! Раз уж три раза позвал... Выбирай другую!

Будь я героем какой-нибудь заумной, глубоко философской книженции, непременно задумался бы о сложности подобного выбора. О моральной ответственности героя и про-

чих вещах, о которых так здорово рассуждать, сидя с книгой в кресле у камина. Только я тогда был слишком испуган и дезориентирован, чтобы делать философские выводы, а поэтому так и продолжил ломиться сквозь толпу, выкрикивая: – Эстер! Эстер!

И вдруг все закончилось. Музыка наконец оборвалась. Девочка в джинсах и белой футболке, точь-в-точь как в полицейской ориентировке и описано, стояла среди расступившихся ряженных и растерянно озиралась. Я ухватил ее за руку и потащил к выходу. И только, перебираясь через забор с табличкой «Ремонт» – когда, интересно, я научусь уже верить тому, что написано на дверях? – только тогда я вспомнил, что пришел сюда не один.

Хорош был бы герой, обменявший у чудовищ одну девушку на другую! Я обернулся, уже готовый вернуться к безумному карнавалу, но с облегчением обнаружил, что прежняя моя спутница последовала за нами. И вид у нее был крайне разгневанный – куда там осенним духам с их кровавыми лунами и червивыми королевами.

– Дэвид, что происходит? Кто это?

Представляю, как я, должно быть, выглядел в ее глазах. Нашел себе в хороводе другую юную прелестницу, и ну драпать. Прямо-таки классика жанра «все мужики-козлы». А козел, между прочим – древнейший символ плодородия. Ему должно быть обидно за регулярные с нами сравнения.

Я собирался было пуститься в объяснения, но тут Эстер

неожиданно тяжело оперлась на мое плечо. Глаза ее закатывались, девчушка была явно близка к обмороку.

Не помню точно, что я тогда наплел, стремительно утаскивая на руках бесчувственную девочку в неизвестном направлении. Не знаю, направилась ли моя до глубины души оскорбленная спутница домой, или вернулась к танцующей за ограждением нечисти, но через пару часов она точно была дома, хоть и не желала больше со мной разговаривать – никогда в жизни, как злорадно сообщила мне ее соседка по комнате.

Теперь уже, долгое время спустя, обзаведясь кое-какими теоретическими познаниями в данной области, я понимаю: увидев, что она смогла первый раз беспрепятственно покинуть хоровод, я мог за нее больше не волноваться. Дело в том, что все старинные легенды наперебой твердят, будто чудный народ холмов интересуют только дети и юные девушки, а когда те пересекают черту юности, их, бывает, даже возвращают обратно, наградив знаниями о волшебных свойствах трав и камней. Так что, раз плясавшая в хороводе нечисть не попыталась задержать мою прекрасную леди... вероятно, они сочли ее недостаточно юной, а значит, ничего ей не грозило. А вот мне, пожалуй, написав эти строки, следует начать беспокоиться о собственном благополучии. Хоть я и стараюсь без лишней надобности не упоминать здесь реальных имен, а все же, чувствую, если буду продолжать в том же духе, армия желающих выцарапать мне гла-

за пополнится еще одной возмущенной читательницей. Это если не брать в расчет представителей парочки преступных группировок, но об этом позже.

А в ту невероятную ночь мне только и оставалось, что отнести Эстер в безопасное место. Таковым я по ряду причин счел задний двор нашего департамента. Как подобраться к запасному выходу, не попадая в объективы видеокamer, я прекрасно знал, а что девушку скоро найдут, не было никаких сомнений – именно сюда, в обход камер слежения, регулярно бегали любители покурить.

Притворяться, что нашел ее в парке, и присваивать себе славу, я просто не рискнул. Кто знает, что Эстер расскажет, очнувшись? Обладая таким странным даром, как у меня, нельзя было не привыкнуть к скрытности и осторожности. Лучше всего, если мое имя в памяти окружающих не будет связано ни с какими странными историями.

Здорово я отступил от этого правила, написав книгу, верно?

А что поделатъ, если со временем становится решительно невозможно продолжать жить на грани двух миров, если тот, второй, все настойчивее врывается в твою жизнь?

Я пишу эти строчки, сидя в кресле, принадлежавшем моей покойной матери, и иногда мне чудится, будто мягкий женский голос странным эхом повторяет написанные мною слова...

Но и об этом – позже.

Когда я устало побрел обратно, ярмарка уже сворачивалась, покидая центральные улицы. Конечно, в отдельных пабах до утра просидят шумные компании, но основная часть праздника закончилась, уличные музыканты и участники представлений разбредались по домам. Некоторые даже не потрудились смыть грим, и здорово повеселились, наверное, вспоминая, как шараялся от них странный тип в помятой куртке. А мне все чудился в завываниях ветра свистящий шепот: «Выбери одну, только одну...»

Идти домой в таком состоянии не хотелось. От мысли о пустых комнатах становилось как-то не по себе. И я отправился к Мэтту.

Разумеется, он уже спал, как и положено примерному семьянину, и физиономия его при виде меня последовательно отразила все оттенки презрения, которое примерному семьянину положено испытывать по отношению к беспутному бродяге вроде меня. Но пока он собирался с мыслями, чтоб это неприятное чувство облечь в слова, я нагло просочился мимо него в прихожую.

– Привет. Мне очень нужен твой душ. И выпить. Но выпить я куплю сам. Пойдем куда-нибудь выпьем? Но сначала в душ. Впрочем, в душ я сам.

– Ты вроде и так уже... в кондиции? – напарник подозрительно приняхался. И был неправ, потому что после всего случившегося я был отвратительно, непростительно трезв.

Липкое ощущение холодных, нечеловеческих пальцев,

шарящих по телу, все не оставляло, заставляя спину покрываться мурашками. В душе я уединился не столько ради мытья, сколько ради того, чтоб рассмотреть при свете полученные от нечисти царапины и синяки. В голову упорно лезли мысли о всяческих инфекциях – в конце концов, мало ли где эти твари копались своими когтями? Раз уж они умеют так ловко материализовываться...

Когда я, высунувшись на секунду из ванной, спросил «что-нибудь для дезинфекции ран», Мэтт ожидаемо забеспокоился.

– Ты что, в драку ввязался? Может, в больницу?

– Какую больницу, уймись, тут одни синяки.

– Девчонку с кем-то не поделил, что ли? – усмехнулся он, убедившись, что истекать кровью я не собираюсь.

– Хорошо ты меня знаешь, приятель. Или это я такой предсказуемый? Но выпить мне действительно надо.

У нас было любимое место за городом. Ну, если точнее, над городом. Хотя кто его разберет, где теперь проходит граница – город с каждым годом все разрастается. Просто небольшой холм, с чудесным видом: с одной стороны – на свалку автомобилей, с другой – на центр города, даже ночью переливающийся разноцветными огнями. Туда мы и забрались, набив предварительно карманы банками с пивом. Наверху порывами налетает холодный ветер, но, если спрятаться за каменным уступом, сидеть можно. Смотреть на город, молчать и не думать ни о чем особенном – редкое удо-

вольствие. Прикончив первые пол-литра, я даже успокоился, и вновь посмотрел на городские огни с прежней теплотой. Пульсация их живого, золотистого света напоминала те загадочные огоньки, что прятались в верхушках деревьев над аллеей. Электричество – тоже своего рода магия, наверное.

Будет ли мне спокойнее жить теперь, когда я знаю, куда пропадает по крайней мере часть из тех, чьи фотографии появляются на стене у кофейного автомата? Получится ли убедить себя в том, что в мире духов, кем бы они ни были, эти дети счастливее, чем здесь? Да полно, были ли они вообще в этом демоническом хороводе, или чья-то непостижимая воля вытащила их лица из глубин моей памяти, лишь слегка приукрасив образы и расцветив лица улыбками?

Ответов я не знаю до сих пор. Когда на следующий день я решил забраться в ремонтируемую часть парка, естественно, там не обнаружилось ни следа ночной вакханалии.

А в этот нескончаемый вечер, где-то незадолго до того момента, как он начал превращаться в утро, я увидел, как вдалеке, там, где огни города растворяются в темноте полей, вспыхнула цепочка костров, один за другим. Может, какой-то фермер сжигал разросшийся кустарник, вопреки всем запретам, а может, и не костры это были. Мне показалось на миг, что огни эти меняли цвет, вспыхивая синим и зеленым, белым и пурпурным, точно призрачные болотные огоньки, «фонарики фей», как называли мы их в детстве.

А впрочем, может быть, и показалось. Когда я рискнул

сказать об этом Мэтту, он спросил «Какие огни?», и я рассмеялся, ткнув его кулаком в плечо. Иногда я здорово завидую тем, кто живет только в одном мире, а иногда мне так страшно за них, что дыхание перехватывает; но после литр-другого доброго пива проходит и это.

Но пусть хранят вас все боги, в которых вы верите или не верите, если доведется вам забрести в заброшенный парк в ночь осенней ярмарки. Все-таки мы, люди, не единственные, кто в такие ночи веселится, приветствуя праздник урожая.

5. Perth (Тайна)

Люди почему-то ложатся спать с иллюзией, что утром все будет иначе, и проблемы уйдут. Так странно с их стороны.

Мэтт проснулся мгновенно, будто и не засыпал, кажется, только что прикрыл глаза – и вот, серая хмарь за окнами уже пытается изобразить некий робкий намек на рассвет. Сердце по неизвестной причине заполошно металось в груди, в памяти стремительно расползались жалкие обрывки сумбурного сна.

Реальность же холодила ступни утренней гладкостью деревянного настила, покалывала иголочками в затекшей руке, ворвалась в ноздри неожиданно спертым воздухом с пряной ноткой крепкого мужского пота и вчерашних носков. Мэтт скептически покосился на спящего рядом напарника и вынужден был признать, что сейчас тот ничуть не напоминал бестелесный призрак. Мысль успокаивала, разум цеплялся за нее, точно якорь в бушующем море видений.

Духи и призраки не заваливаются спать в несвежей майке, они превращаются в струйки тумана и утекают поутру в плохо законопаченные щели, а не сопят так громко, каждую секунду рискуя сорваться на храп.

Определенно, для звонка Мэл или родителям было еще слишком рано. Однако сон ушел окончательно и бесповоротно. Побродив бесцельно по дому, Мэтт в конце концов

устроился в кресле внизу. Телефон Дэвида лежал на тумбочке перед ним, мигая издевательскими белыми цифрами. Пять утра. Не стоит никому звонить в такое время. Проверая, на каком ты свете, том или этом, не забывайте об элементарной вежливости, это же несложно.

Чтение книги Дэвида, определенно, не способствовало психическому равновесию, но, по крайней мере, это был неплохой способ скоротать время. Еще одну главу, пожалуй, он осилит с утра пораньше...

Девочка по имени Эстер. Черт возьми, а он ведь помнил эту историю. Девчонку нашел Эйб, парень с еврейским именем Абрахам и совершенно не еврейским носом. Хотя заслуги его в том и не было, а все же он тогда неделю ходил, надуваясь от собственной важности. Журналисты тогда осаждали участок, выясняя, не появился ли в городе новый маньяк, требовали комментариев. Но девчонка ни черта ни помнила. Как теперь понятно, оно и к лучшему.

То есть, если предположить, что в этой истории вообще хоть что-то понятно. Что это правда, вся эта невозможная белиберда про хоровод духов. Что Дэвид ввалился к нему среди ночи с безумным и хмельным взглядом, потому что побывал на ярмарке фейри, а не просто получил по ребрам в пьяной драке, как до сих пор был уверен Мэтт.

Телефон издал короткий писк, и в тишине комнаты этот звук показался неожиданно резким, царапнул болезненно по воспаленным нервам. Мэтт дернулся и рефлекторно схва-

тил трубку, запоздало сообразив, что сообщение предназначалось не ему. На экране всплыла бессмысленная последовательность цифр: трехзначное число, двухзначное, потом одинокая цифра. Снова трехзначное, и так еще несколько циклов, каждый раз цифры разные. Отправитель в адресной книге не значился.

«Ладно. Что бы это ни значило, меня не касается».

Тишина давила на барабанные перепонки; казалось, вездесущий туман заполнил комнату, украл потрескивание половиц, столь естественное для старого дома, и шорох жуков-древоточцев, и законный гомон утренних птиц, которым самое время было просыпаться, приветствуя восходящее солнце. Мэтт попытался глубоко вздохнуть и не смог, словно из комнаты вдруг откачали воздух, или заменили кислород каким-то неведомым газом. Горло сдавило спазмом. «Кажется, вот что называется панической атакой», — отстраненно отметил он, наблюдая, как перед глазами мелькают сияющие точки, все чаще и чаще, а поле зрения заволакивает тьма подступающего обморока.

Где-то далеко, в тысяче парсеков, в другой Вселенной, не иначе, стукнуло окно, и струя холодного воздуха скользнула по лицу Мэтта, возвращая его в реальность.

Легкие шаги прозвучали за стеной, со стороны кухни, и затихли. Он не стал бы клясться в этом под присягой,

но за ними последовал и смех, звонкий и, без сомнения, женский, и мелодичный голос произнес неразборчиво несколько слов.

– Вот неймажся же некоторым в такую рань, – проворчал Дэвид, спускаясь по лестнице. Лестница жалобно поскрипывала, старое дерево вспомнило, наконец, что ему полагается издавать звуки.

– Кажется, я наконец отоспался на полжизни вперед, – усмехнулся Мэтт, которому едва удалось наконец отдышаться. И добавил, заранее зная ответ, зная, что почувствует себя идиотом:

– У тебя тут... домработница по утрам приходит, что ли?

– Нет, с чего ты взял?

– Кто-то открыл окно на кухне. Сквозняк, чувствуешь?

– Наверное, я его вчера не закрыл, – отмахнулся Дэйв. – Тут не привыкли бояться воров, знаешь, и я постепенно заражаюсь этой беспечностью. Провинциальная простота нравов, прелесть же.

Мобильник, все еще зажаты в руке, вновь напомнил о себе коротким сигналом. Мэтт проверил время – белая мигающая пятерка наконец сменилась на шестерку, превращая потенциальный звонок жене из вопиюще невежливого в просто невежливый.

– Я позвоню, ладно?

Мэллори сменила номер, но ее контакт был в списке недавних вызовов. Несколько бесконечно долгих гудков –

и она сняла трубку.

– Дэвид, что? Что случилось? Этот сукин сын снова что-то натворил? О Господи, скажи мне, что он жив! Дэвид?

– Мэл... – голос внезапно провалился до простудной хрипоты, до похмельного шепота на грани возможностей связок. – Мэл, это я. Я жив... Я жив?

– Пошел к черту, придурок! Ты смотрел на часы, прежде чем звонить? Наши... мои дети спят! Забудь этот номер, слышишь!

Он некоторое время слушал короткие гудки, глупо улыбаясь. Рядом, будто его отражение в самом странном из кри-вых зеркал, скалился Дэйв.

– Она беспокоится. Она сказала «наши дети», слышал? Эй, я думаю, вы еще помиритесь!

– Я жив, – прошептал Мэтт, протягивая телефон обратно. – И ты жив.

Дэвид только усмехнулся. Уткнулся в экран, пролистнул список вызовов и, похоже, открыл смс. Удивления на его лице Мэтт не заметил.

– Ты читаешь? – он, не глядя, ткнул пальцем в лежащую на столике книгу.

– Прочел второй рассказ. Еще более странный, чем первый.

– Погоди, то ли еще будет. Если не возражаешь...

Подняв книгу, он уверенно зашуршал страницами, выискивая что-то. Мэтт не следил – уставился в стену, пытаясь

упорядочить происходящее в голове.

– Знаешь что, а поехали, позавтракаем в каком-нибудь относительно приличном месте, – неожиданно предложил Дэйв.

Отчего бы и нет, сейчас он бы на что угодно согласился. Для того, кто только что окончательно и бесповоротно воскрес из мертвых, любой вариант приемлем, если в нем не будет монохромных картинок с кладбищем, заполненным влажными черными кругами зонтов.

Окрестный пейзаж за ночь несколько не изменился, разве что дождливое небо сменилось ясным и открылись немногочисленные забегаловки на главной улице. В одно из подобных заведений они и нырнули. Мэтт споткнулся на пороге – он не очень-то внимательно смотрел по сторонам, слишком много причудливых картин теснилось внутри его собственной головы.

Прочитанная утром новелла оставила странное послевкусие. Будто смотришь на мир чужими глазами, перематываешь в голове кинолентку памяти, не узнавая привычных мест, снятых с непривычных ракурсов. Дежавю наоборот, каким бы словом это назвать?

Вот и город – в памяти он оставался совсем другим. Темнее и грязнее. Только одно дело вспоминать, а иное – смотреть на него глазами Дэвида. За черно-белыми строчками прятались гирлянды золотистых огней, подсвечивающих туман, и хитросплетения улиц и лестниц, будто специально

предназначенных для прогулок с девушками, и сумасшедшие чайки, залетающие прямо на городскую ярмарку, чтобы договориться с мелкими предпринимателями насчет оптовых поставок рыбы. Город, превратившийся в праздничный шатер, где в кронах над аллеями танцуют невидимые людям огоньки, а меж пальцами влюбленных искрится электричество. Так легко прикрыть глаза и увидеть, как Дэвид идет по украшенной бумажными гирляндами улице, вежливо улыбается встречным, живым и мертвым – плоть от плоти этого города, этого острова. Мир для него наполнен духами и чужими кровавыми тайнами, а он все равно умудряется любить его, встречать с душой нараспашку. Готов прыгнуть через ограду заброшенного парка, услышав песню незнакомой веселой компании. Кем нужно быть для этого, безумным рыжим потомком древних ирландских королей? Подкидываем фейри, в конце концов?

– Здесь готовят отличный омлет, – Дэйв проводил взглядом официантку. – Вот, кстати, тебе и объяснение, как я два года выживал в доме, где не водится еда, а в кухонной плите живут пауки.

– Зачем возиться с кастрюлями, если в мире существует готовая еда, – усмехнулся Мэтт. – Как же, помню твои вдохновенные проповеди на этот счет.

– Возиться или не возиться – вопрос целесообразности, только и всего.

– Бороду ты тоже отпускаешь, исходя из целесообразно-

сти?

Дэйв схватил со стола кофейную ложечку и уставился на свое отражение в блестящей поверхности.

– Скажешь тоже – бороду... Ну, не побрился пару дней. У тебя, кстати, вид не лучше.

Мэтт повторил его маневр с ложечкой – больше близости ничего подходящего не наблюдалось. Собственное лицо, искаженное изгибом своеобразного «кривого зеркала», едва его не напугало. Скалилось в ответ препохабнейшей макакой, менялось ежесекундно, норовило сжаться в точку, оставляя только неестественно огромный черный зрачок в центре композиции.

Он понял, что слишком долго рассматривает отражение, когда Дэвид, не прекращая трепаться, отобрал у него ложку и положил на салфетку. Надо признать, у него это вышло очень естественно, будто ничего особенного и не происходит. Из него получился бы очень тактичный санитар в психушке. Дорогой, элитной психушке, где пациентов не считают животными без права голоса.

– ... а еще рыбный суп, например.

– Конечно, можно каждый день питаться местными деликатесами, если ты крутой писатель и получаешь гонорары, – Мэтт ехидно оскалился.

– Гонорары, м-да, – Дэвид отчего-то враз стушевался и покосился в сторону стойки.

– Что, мало платят?

– Наоборот. Я подписал контракт еще на две книги. Агент выбил мне приличный аванс под них.

– И...?

– И я не знаю, о чем писать дальше, – эту фразу Дэйв произнес трагическим шепотом, перегнувшись через стол и склонившись к самому уху напарника.

– Вот это номер, – Мэтт тихо рассмеялся.

– Все мои истории – о нашей работе, о том, как мы выходим в патруль, и я изо всех сил стараюсь не показывать виду, что понимаю о причинах и следствиях в этом мире чуть больше, чем мне положено. Но истории закончились, что мне дальше делать? Новых ведь не будет.

– Говорят, нормальные писатели в таких случаях садятся и выдумывают то, чего не было.

– Мне не хватит фантазии, – усмехнулся Дэвид. Замолк, пережидая, пока официантка расставит на столе тарелки и отойдет. – Будем честны, писатель из меня так себе. Книжка наделала шуму, потому что издательство вовсю рекламировало ее как основанную на реальных событиях. Ну, то есть, на таких, которые считает реальными автор. Для кого-то автобиография шизофреника, для кого-то откровения медиума. Один критик что-то ляпнул про «новейшую европейскую традицию визионерской литературы», я аж запомнил с перепугу.

– Визионерской. Это про глюки, значит, – Мэтт с сомнением смотрел на разрекламированный омлет. Тут, как

и в случае с книгой, похоже, реклама несколько преувеличивала.

– Если люди любят читать всякую шизню, напиши про меня, – предложил он, до конца не понимая, шутит или нет.

Дэвид замер, обдумывая предложение.

– О том, как я тащился автостопом, сам не зная куда, и потерялся между мирами мертвых и живых. Добавь в повествование бессмысленных деталей, притворись, что каждая из них – символ, ключ к чему-то большему.

– Кофе? – спросила официантка, несколько нервным движением разглаживая не первой свежести передник.

– Только без молока, пожалуйста, – демонстративно скривился Мэтт. Негромким смехом Дэвид дал понять, что шутку оценил. Девушка вернулась к стойке, окинув их напоследок странным взглядом.

– Хорошая идея. Символы, говоришь? Вот молоко, да. Древнейший символ жизни.

– И пепел из камина. Символ смерти. И отрицания. Молоко и пепел. Как тебе название для второй книги?

– Слушай, – Дэвид торжественно вознес вверх ложку, точно священник – распятие, сколь бы кощунственной ни была аналогия. – Мы должны сделать это вместе.

– Сделать что?

– Вторую книгу. Будем просто гнать всякое, как обычно после стакана-другого в пивной. Потом придавать ей романтический окрас. Ну, вроде как: не «герой сказал реплику»,

а «его голос прошелестел из тумана, столь далекий и нездешний, точно и не голос это был, а меланхоличный западный ветер запутался в листве деревьев».

– Я в жизни не сгенерирую такую вот хрень, как ты сейчас сказал, – рассмеялся Мэтт. Его смех прозвучал неожиданно глухо, будто бы и не смех это был, а порывистый ветер захлопал ставнями в давно заброшенном доме...

«Твою мать, Дэвид, сгинь из моей головы вместе со всей своей околослитературной пургой!»

– Да ладно тебе. Кто из нас двоих интеллигентный мальчик из колледжа? Это я деревенский дурачок, в лесу родился, деревьям молился. Кто на дежурстве всяких там Мураками читал, а?

– Мураками – зануда жуткий, – проворчал Мэтт, принимая кофе из рук официантки.

– Ему был тридцатник, когда он решил написать великий роман. И написал. Неважно, что хрень. Ты все равно не знаешь, что делать со своей жизнью, так давай, поживи для разнообразия моей, раз уж моя куртка тебе впору, и даже шерстяного одеяла моего ты почти не боишься.

– Это что, какое-то древнее заклинание с западных островов? Звучит как оно самое. Спи под моим одеялом, живи моей жизнью...

– Может, и заклинание. Хотя второе одеяло я тебе найду,

не беспокойся.

Официантка снова покосилась на них. Мэтт невольно втянул голову в плечи. Захотелось вдруг спрятаться, слиться со стеной. Ощущение чужого взгляда обожгло кожу, ржавой ножовкой царапнуло по натянутым нервами.

Он бегло огляделся по сторонам. На них посматривали все. Молодая пара за столиком через проход – то ли брат с сестрой, уж больно похожи, то ли выбрали друг друга из соображений генетики: последние в этой части света ослепительные блондины с чисто скандинавской синевою глаз. Рыхлый мужик в рабочем жилете, неспешно прихлебывающий что-то крепкое. Старуха у стойки, вроде бы болтающая с барменшей.

– Почему они на меня косятся? – Мэтт перешел на шепот и зло стиснул вилку в пальцах, будто готовился прямо сейчас отражать удары в драке не на жизнь, а на смерть.

Дэвид даже не подумал оглядеться. Так и продолжил жевать с невозмутимым видом.

– Расслабься. Они косятся на меня. Я тут в некотором роде знаменитость, забыл?

«Ну, конечно. Автор бестселлера, продающегося в эзотерических лавчонках. Визионер новой волны, инквизиция по тебе плачет горячими слезами».

– Взирают снизу вверх на представителя культурной элиты? – усмехнулся Мэтт.

– Или снисходительно присматривают за самым бесполез-

ным членом общины. Землю не пашет, рыбу не ловит, только рассказывает старые, как мир, сказочки на новый лад. Вроде деревенского дурачка, только с деньгами. Непостижимое, должно быть, явление.

Расплатившись, они вынырнули под неожиданно нагрянувший мелко морозящий дождик, который явно сомневался, идти ли ему вообще сегодня, или не выпендриваться уж, подарить местным хоть один условно-солнечный денек.

– Заскочим еще кое-куда, – предложил Дэйв с загадочным видом. – У меня заканчивается запас ароматических свечей.

– Нахрена они тебе?

– Чтобы у прелестной Лиэн была хоть какая-нибудь выручка, конечно. Ну и чтоб генератор лишний раз не включать, зачем мне свет во всем доме?

– Но ароматические зачем?

– Ну что ты пристал. Для настройки на правильный поток энергии, например. Вот у нее и спроси, раз интересуешься.

– Ты с ней спишь? – небрежно спросил Мэтт, высматривая среди вывесок ту самую, с рунами.

– Нет еще. Но буду.

– А она об этом знает? Что будешь?

– Она мне это самым недвусмысленным образом сообщила, чтоб ты знал.

– Вот так вот прямо взяла и пообещала?

– Это долгая и сложная история.

– Эй, – Мэтт придержал его за рукав, не давая рвануть

вперед. – После того, как ты на всю страну написал в своей книженции, что я изменял невесте, я думаю, что имею право требовать подробностей.

– Ладно, извини, это было довольно глупо. Но я же не написал, что вы тогда уже встречались, верно?

– Черт с ней, с Мэл, у нее теперь есть гораздо более веские поводы злиться. Ну и что там с рыжей ведьмочкой?

– Вот сейчас ты попал в точку, друг мой. Лиэн – глава местного викканского ковена.

– Вика? Эти... неоязычники?

– Ага. Только они готовы до хрипоты спорить с приставкой «нео». Ссылаются на древние культы и тайные знания, при этом существует куча течений, которые между собой почти не пересекаются. Да и фиг с ними, я глубоко не вникал, так, почитал пару сайтов. Ну и вот, у них весной большой ритуал.

– И?

– И для его проведения жрице нужен жрец. Тот, кто станет вместе с ней на границе двух миров и так далее. Короче, предстоит оргия на природе, центральным элементом которой является воссоединений женского и мужского начал Великого Духа. То есть...

– То есть, даст она тебе только весной, в присутствии кучи народу и исключительно в ритуальных целях, и лишь потому что не смогла найти в ближайших окрестностях второго такого же двинутого обладателя члена?

– Ты все упрощаешь. Я уверен, это не будет союзом на одну ночь. У меня на нее, знаешь ли, серьезные планы.

– Дурдом, – коротко резюмировал Мэтт. Развить тему не успел – стеклянная витрина с амулетами и метелками трав была уже прямо перед ними.

Китайские колокольчики над дверью отозвались на удар мелодичной трелью. Рыжая продавщица подняла голову, и лицо ее осветила искренняя радость.

– Добрый день, – поздоровалась она, тем не менее, достаточно сдержанно. Мол, я не какая-нибудь восторженная фанатка, вы не подумайте.

При виде Мэтта, заходящего следом, она слегка нахмурилась, на полсекунды, не более. Тот в ответ постарался изобразить более-менее приличную улыбку, не похожую на оскал гиены, походя отметив, что стоило бы потренироваться перед зеркалом.

Теперь, когда рыжая продавщица неожиданно обрела столь значимое место в причудливой картине нынешней жизни Дэвида, Мэтт представления не имел, как с ней общаться. Он предпочел бы укрыться за стеллажом с книгами и молча таращиться на витрину, пока Дэйв треплется, но тот решил иначе, за рукав вытащил его на свет божий и торжественно объявил Лиэн:

– Хочу представить тебе моего друга!

– Очень приятно. Мы, кажется, так и не успели тогда познакомиться?

– Это Мэтт, – сообщил Дэвид таким тоном, каким, пожалуй, говорил бы менеджер топовой рок-звезды. «А это, ле-ди и джентльмены, артист, ранее известный как Принц». Ну, разумеется.

– Да-да, тот самый ушлепок из книжки, с которым мы рас-секали по городу на дежурствах.

– Вот как, – улыбка Лиэн не померкла ни на минуту, но иронически вздернутая бровь выдавала глубину бездны скептицизма, в которую ее повергал затрапезный вид столь претенциозно представленного субъекта.

Мэтт вздохнул.

– Простите, я не хотел разбивать ваши розовые очки. Герои книжек редко похожи на себя, и еще реже – на героев. Подозреваю, вы представляли меня несколько иначе?

– Признаться честно, я вообще вас не представляла, – Лиэн тщательно изобразила смущение.

Один-ноль, что тут еще сказать. Героям книжек никогда не следует забывать, что они не всегда – главные герои.

Пятнадцатиминутное обсуждение ароматических свечей повергло его в смертную скуку. Двое великовозрастных подростков по разные стороны прилавка отчаянно флиртовали, и досматривать эту «мыльную оперу» Мэтт не собирался.

– Пройдусь вниз по улице, – сообщил он, выныривая под все еще нерешительно морозящий дождь.

Улица уже через несколько кварталов резко сворачи-вала и неожиданно заканчивалась тупиком. Символично,

мать его.

Нам ведь нужны символы, правда? Чтобы наполнить иллюзией смысла повесть о том, как с героями ничего не происходит.

Хлипкий заборчик, в который упиралась дорога, был частью ограждения чьего-то участка. Его можно было обойти, если подняться на холм. Кроссовки отчаянно скользили по мокрой траве, но двигаться определенно казалось более правильным, нежели стоять. А с вершины холма, вероятно, откроется более живописный вид, нежели эти унылые, давно не крашенные деревенские дома и покосившиеся сараи.

«Должен признаться тебе, Дэйв, меня здорово нервируют эти твои истории. Что-то такое важное в них написано между строк, о тебе и обо мне, что-то, что неизмеримо больше меня нынешнего, и не поместится обратно, хоть ты тресни, как не поместится океан в дождевой капле, а человек – в своей собственной тени. Тенью и я стал в итоге, последовательно расставшись со всеми утешительными иллюзиями, вроде существования собственного „я“. Ты пишешь о том, как приходил ко мне, заблудившись меж двух миров, и я был твоим якорем, маяком оголтелого материализма в беспокойном океане потустороннего, я возвращал тебя в реальность своими обывательскими шутками, своим напускным снобизмом недопеределанного янки, я был картинкой с обложки второсортного детектива – квадратная челюсть, героическая по-

за, сварливая жена и красавицы-дочки, примерный семьянин и слегка разочарованный в своей работе, но все еще хороший коп... Этот тип смотрит на меня со страниц твоей книги, но когда я пытаюсь увидеть его в зеркале, он истекает кровью из опустошенных воронами глазниц. Вот как случается – вяжешь узелки на память, цепляешь на руку, а потом что-то пошло не так, и вот ты уже грызешь собственное запястье в припадке безумия, и старые норны, а может, и вечно юные дочери моря из древнего заговора, тянут из окровавленной раны дубленые жилы, точно нити из клубка, и равнодушно сплетают их в новый узор, бесконечный узор, который тебе никогда не увидеть целиком...»

За холмом, вопреки всякой логике, обнаружилось продолжение дороги, и незнакомец, застывший над откинутым капотом машины с видом человека, увидевшего мотор второй раз в жизни. Молодой парень в явно городском костюме – и что только могло ему понадобиться в этой глуши?

Мэтт себя экспертом в автомобилях отнюдь не считал, и, поскольку парень за помощью обращаться не спешил, просто отвернулся от него, и по широкой дуге побрел вниз по склону. Подставил лицо ветру, попробовал его на вкус, стараясь определить, не с океана ли тот прилетел, не пропитался ли горьковатой солью и маслянистым душком гниющих в прибрежной зоне водорослей. Здорово быть ветром – меняешь себя по десять раз на день, и никаких сомнений, никако-

го комплекса вины, мол, нес на плечах своих чей-то мир, да не выдержал. Не всякому быть атлантом, увы.

Дэйв появился на самой границе поля зрения, замер на вершине холма, точно древний жрец, намеревающийся объявить народу решение богов.

– Твоя мама звонит! – он помахал в воздухе телефоном, неизвестно чему улыбаясь. Как древний жрец, знающий, что решение богов народу не понравится, но деваться-то им все равно некуда.

Вздохнув, Мэтт вскарабкался обратно и взял трубку.

– Я в порядке, мам, – привычная с детства ложь, выверенная и отточенная годами интонация.

– Мэтью, что за дикие выходки? Мы ждали тебя дома, приготовили встречу...

– Может, в таком случае стоило оповестить об этом меня?

«Как объяснить тебе, мама, что ты говоришь с мертвецом, с тенью, с ведьмовской куклой, набитой соломой и оживленной ради смеха лесными духами. Что я не тот, кого вы ждали. Просто вспомните старые легенды о людях, вернувшихся из волшебного мира духов и фей. Они не узнают родных и больше не едят человеческую пищу, и вскоре уходят в другой мир навсегда...»

Как тебе объяснить, мама, что я не помню твоего лица?..»

Он отвечал на реплики, изображал несуществующие эмо-

ции, врал и убеждал, не понимая значения отдельных слов, и смотрел вниз, на Дэвида, неспешно спустившегося по холму прямо к парню с заглохшей машиной. Тот, похоже, наконец решился попросить помощи и теперь что-то рассказывал Дэйву, эмоционально размахивая руками. Ветер, будто играясь, доносил до Мэтта отдельные слова и куски фраз, бросая их прямо в лицо. Вроде бы по законам физики и не должно быть слышно слов собеседников на таком расстоянии, но у ветра на этот счет было свое мнение.

– Мы ожидали активности... не предполагали вмешательства... предлагают поменять схему... ваш друг в курсе?

Мэтт поспешно повернулся к ним спиной.

Разумеется, друг не в курсе. Он вообще не в ладах с головой, знаете. Но даже в таком плачевном состоянии готов поспорить, что этот разговор вовсе не о починке машины.

– Когда ты приедешь? – настойчивый голос в трубке вернул его в реальность.

– Позже, мам. Мне нужно... знаешь, кое в чем разобраться...

«Сколько можно мямлить, словно тебе снова десять и ты отпрашиваешься погулять до обеда? „Мне нужно...“ Мне не нужно, ничего уже не нужно, только не твоя снисходительная жалость, и не ледяное презрение отца; не оправдал надежд, не смог удержаться, снова эта вездесущая частица „не“, отрицание, оно ведь ближе к истине, чем любое

из утверждений, верно?»

Он оглянулся через плечо. Дэвид попрощался с незнакомцем, хлопнул его по плечу, как доброго приятеля – может, он со всеми так общается?

Или этот парень специально подждал его в условленном месте, для отвода глаз застопорив машину на обочине.

– ... вы работали вместе, верно? Я помню его, такой вежливый...

Очень вежливый мальчик, так бы ты сказала лет пятнадцать назад. Добавь еще, что он хорошо на меня влияет. Мэллори с этим утверждением поспорила бы, а вот древние духи холмов, пожалуй, согласятся.

Вежливый парень Дэйв шел к нему по склону, рассеянно улыбаясь, а на его светлой рубашке прямо напротив сердца расплзлось кровавое пятно.

– ...у тебя есть деньги на автобус?

Мэтт не успел продумать следующую реплику. Он во все глаза таращился на бывшего напарника. Тот не шатался, не бледнел и не думал падать. Из дырки в груди при каждом шаге толчками вырывалась темная, густая кровь.

– Мэтью? Ты меня слышишь?

– Я тебе перезвоню, – выдохнул он, нажал «отбой», судорожно стиснув телефон в руке, и на пару секунд крепко зажмурился.

– Что с тобой? – спросил Дэвид где-то совсем рядом.

Разумеется, на рубашке не было и следа крови.

– Снова вижу тебя мертвым, только и всего, – честно ответил Мэтт, возвращая мобильный.

– Видения прошлого? – нахмурившись, предположил Дэвид.

Мэтт покачал головой.

– Или будущего.

По дороге внизу с рокотом пронесся автомобиль. Городской парень в костюме, похоже, больше не нуждался в авто-сервисе.

6. Старая Тоирис

Старая Тоирис смотрела сквозь щели в дощатом крыльце, как снуют туда-сюда проворные подошвы новых жильцов, слушала скрип колес потертых чемоданов, смаковала ароматы живых, горячих тел, чуть приправленные душиком потревоженной старой пыли. Слишком долго она спала, не замечая, как сквозь нее прорастают корни и проползают черви, и теперь не спешила шевелиться, лишь потягивалась слегка, будто разминая занемевшие конечности. Будто бы у нее по-прежнему было тело.

Она дождалась ночи, чтобы сделать первый вдох. Потянулась вверх, по отсыревшим доскам, по холодному камню стен, с северной стороны подернутых мхом. Тихо зашуршали корни спящей весенней травы, раздвигаясь и пропускающая тонкие, влажные белесые нити грибницы.

Вверх, вверх, туда, где пульсируют живые соки, согретые солнцем, а не ледяной флуоресценцией подвальных гнилушек, где бестолково мельтешат живые, разноцветные, горькие и сладкие на вкус, торопливо и жадно дышат, растут, прикасаются друг к другу, хрупкие, такие хрупкие, не потревожить бы тонкое кружево капилляров под кожей!

По стенам, перекладинам, потолочным балкам; по трещинам и швам каменной кладки, по древней штукатурке и современным панелям, опасно избегая холодной глади окон-

ных стекол. По витым шнурам, что стянули дорожную ткань гардин... Шелк и бархат? Далеко внизу, во тьме подвала, старая Тоирис недовольно поджала губы, сетуя на расточительство нынешней молодежи. Знали бы они, в каких лохмотьях приходилось ходить ей, в те далекие годы, когда никто не называл ее «старой Тоирис!».

Знали бы они, как мучительна смерть от голода. Никто из ныне живущих не знает настоящего голода, этой сосущей бесконечности, выворачивающей нутро, переваривающей саму себя в бесконечном цикле.

Прочь, прочь эти мысли; она больше никогда не будет голодна.

Потянулись по стенам, поднялись до самой крыши, до больших спален на втором этаже и до маленькой чердачной каморки, сплелись бахромчатым пологом под самым потолком комнаты. На концах тонких нитей набухли прозрачные капли сока, тут же помутнели, превращаясь в белки невидящих глаз. Слепота их была недолгой – неподвижные бельма вспучились нарывами, запестрели чернотой и болотной зеленью трещин-радужек, заморгали часто, стряхивая подсыхающий гной, завращали пульсирующими зрачками, осматриваясь.

Двое мальчишек-школьников спали, укрывшись разноцветными одеялами, и по стенам металась призрачные силуэты из их сновидений: фигуры всадников и крылатых фей, готические замки, рассыпающиеся на угловатые детали кон-

структора, и персонажи мультфильмов, перетекающие из одной формы в другую с такой легкостью, точно в их телах не было ни единой кости. Старой Тоирис, в жизни не видевшей ни одного мультфильма, эти диковинные звери представлялись кожаными бурдюками с водой или, может быть, маслом.

Старшая девочка в комнате под крышей только успела задремать, обнимая подушку, под которой прятался дневник, полный любовных стихов. Стены комнаты покрывали обои с причудливыми завитками, и среди них терялись полупрозрачные тени тех принцев несуществующих стран, что наполняли ее сны.

В спальне на первом этаже родители этого чудного выводка спали, не видя снов. Переплетенные в любовном объятии конечности составляли под одеялом странную фигуру. Будто соломенная кукла, которой для потехи пришили лишние руки и ноги.

В детстве Тоирис доводилось играть с такими фигурками. Однажды на ярмарке заезжий фокусник прямо на глазах изумленной публики связал куклу из платка, клочка соломы и нескольких веточек – а потом пустил плясать по земле, вокруг пылающего костра. Люди изумленно ахали, дети радостно верещали, а фокусник прятал лицо под маской, и никто не видел, смеется он или нет.

По окончании представления кукла бесстрашно шагнула в огонь и вспыхнула, точно маленький факел.

Тоирис боялась чудес – слишком тесно они переплетались со страшными историями. Никогда не наступала на «ведьмины круги», если те появлялись в лесу. И только после смерти поняла, что нет ничего страшнее мира живых.

Рассветные лучи заставили нити поджаться, спрятаться в трещинах стен, притвориться тенями. День заполнился шумом и смехом, как и множество дней после. А ночи принадлежали молчаливому танцу подземной жизни.

Лишь изредка Тоирис тревожила спящие лица невесомыми прикосновениями, и сны обитателей дома неуловимо менялись. Девочка, только что танцевавшая в клубе, вдруг обнаруживала, что стоит босиком на холме, поросшем травой, прямо в центре вытоптанного неведомыми существами «ведьминого круга»; вокруг клубится туман, и лишь мерцают вдалеке неровным, мертвенным светом болотные огни. Мальчишкам снилось, что холодные руки хватают их за щиколотки, и они просыпались в страхе, забирались вместе под одно одеяло и грели ледяные ступни друг о друга. А родители по-прежнему не видели снов.

Луна убывала, и старая Тоирис чувствовала, как растет ее сила, как наполняется земными соками тело, оплетенное корнями.

– Что ты сделаешь с ними? – подозрительно спрашивала ее молодая Идэ, беспокойно ворочаясь в своем логове в саду. Ее иссохшие вены тоже заполняли хмельные весенние соки, кружили голову бедной дурочке. Оттаявшие ручьи шелесте-

ли над ее могилой, напевая песни, полные надежд, и девчонка думала порой, забывшись, что в этих песнях найдется пара строк и про нее.

– Не твое дело, – осадил ее Тоирис, но потянулась к ней белесыми корнями трав, запустила пальцы-нити в поблекшее золото волос, пригладила локоны. – И с чего бы мне что-то делать?

– Слишком живые они, – вздохнула Идэ, и от вдоха ее под гниющим одеялом прошлогоднего опада зашевелились тугие тела подснежников. – Не ужиться им с тобой под одной крышей. Не ладишь ты с людьми, вот что.

– Больно ты с ними ладила, дурочка, – рассмеялась Тоирис. Рассмеялась – хриплым карканьем ворон, скрипом ставней, шорохом подвальных крыс. Женщина в гостиной дома вздрогнула и натянула на плечи шаль, сама не зная, откуда потянуло стылой мерзостью в такой пригожий, теплый день.

Идэ умерла не здесь. Ее застали врасплох в роще неподалеку, и долго гнали напролом сквозь заросли колючего кустарника. Пока трое парней насильовали ее, она беззвучно молилась – Деве Марии ли, или иной заступнице, любой, что услышит. Тоирис услышала. Когда девчонке свернули шею и бросили в лесу, небрежно присыпав ветками, из земли потянулись влажные бледные корни, обвинили кровоточащее тело и утянули вглубь, в покой и темноту. Мириады крохотных жучков облепили ее, разбирая по волоску, чтобы собрать на новом месте. Кровь вместе с каплями дождя просочилась

сквозь землю в русло подземного ручья, и через некоторое время смочила иссохшие губы старой Тоирис, точно сладкое вино.

У нее, никогда не имевшей детей, теперь было множество дочерей – мертвых, как она. Наивных и отчаявшихся, непогребенных и неотпетых, самоубийц и сумасшедших. Многие спали далеко отсюда, и не хватало силы корней, чтобы собрать их вместе, но они говорили с ней, рассказывали свои истории, жаловались и негодовали, и неизменно находили утешение.

– Я буду добра к людям, – пообещала она. – Если они не станут нарушать мои правила.

Несколько новолуний минуло, и ничто не тревожило живых обитателей дома. А потом мальчишки нашли в саду птичье гнездо. Крохотная рыжегрудая птичка-зарянка яростно пищала и хлопала крыльями, отгоняя неведомых чудовищ, позарившихся на ее кладку, но те твердо вознамерились поиграть с птичьими яйцами. Их оказалось так весело швырять в стену. А кружившую над ними птицу было совсем несложно сбить из рогатки.

– Когда луна станет черной, – прошептала Тоирис, впитывая боль и гнев умирающей птицы-матери, – когда луна станет черной. Жди.

– Отпусти хотя бы девочку, она ни в чем не повинна, – прошелестела в саду Идэ.

– Пусть уходит, – согласилась старуха.

С той ночи и до самого новолуния сны девочки наполнились странными образами. Женщина в разорванном платье появлялась из тумана, тянула к ней руки и шептала одно только слово: «Уходи...»

Однажды, поддавшись неосознанному импульсу, девочка встала и, не просыпаясь, вышла в сад, а потом, пройдя немного по дороге, и в окрестный лес. Босая, в одной ночнушке, она с закрытыми глазами ступала по траве, каким-то чудом обходя кусты и овраги. Если бы кто-то наблюдал за нею в неверном свете убывающей луны, то при должном старании смог бы увидеть призрачную фигуру, ведущую девочку за руку. Но некому из живущих было смотреть, как раздвигаются перед ней ветки, как поворачиваются ей вслед бледные шарики грибов, превращаясь в белки чьих-то глаз, лишь на мгновение вспоротые чернотой зрачка.

Обнаружив себя поутру вдали от дома, девочка очень испугалась. Разумеется, она вернулась домой. В разговорах родителей появилось новое слово – «лунатизм», а дверь комнаты обзавелась надежной защелкой.

Когда луна исчезла с небосклона – немногие могли видеть, что диск луны никуда не делся, лишь погрузился в тень – старая Тоирис потянулась и встала.

По сырому земляному полу, по растрескавшимся подвальным ступеням делала она первые шаги, и черви, ее верные слуги, копошились, торопились, собирая воедино множество крошечных частичек плоти, заново покрывая выбо-

ленные временем кости вечно гниющим мясом. Когда они, трепеща, сползли с плеч своей госпожи тошнотворным живым покрывалом, иссиня-бледная кожа была натянута почти как при жизни, а чернота безлунной ночи стремительно насыщала седые волосы былой окраской.

Она поднималась по ступеням, и мириады крохотных паучков спешили спуститься со стен и обвить ее стройный стан серебристыми нитями застывшей слюны. Истощая до предела свои железы, они ткали подвенечное платье для той, которой вечно ходить в невестах, так и не дождавшись своего жениха.

Вечно старая, и лишь в новолуние – молодая, Тоирис поднималась по ступеням, и поникшие травы в саду вставали, невольно следуя за ее неторопливым движением, и роскошным шлейфом тянулись за ней из подвала тонкие нити-гифы грибницы, оплетая стены, оплетая пол. Кончики нитей сливались в экстазе, оплодотворяя сами себя, набухали крохотными коробочками со спорами и взрывались, окутывая Тоирис пронзительно пахнущим гнилью, переливающимся облаком.

Она входила в спальни и, склоняясь над постелями, целовала в лоб пока еще горячие тела, выпивая на прощание их последний, самый сладкий сон.

Над постелью девочки парила прозрачная, только в безлунной тьме и видимая, Идэ.

– Такая красивая... – вздохнула она. – Так и не узнает

жизни... не узнает любви.

– Уж ты-то ее познала сполна, – хрипло каркнула Тоирис. – На десятерых ее хватило бы, той любви. Отойди, не мешай. И не болтай о том, чего не знаешь.

– Но ведь и ты любила, матушка, – прошептала призрачная девица, почти исчезая. – Неужели нет?

Тоирис замерла на мгновение, вспоминая то, что случилось давным-давно в этом доме. Как забавлялся молодой хозяин с невинной дочкой кухарки. Как опозорил ее, обрекая на одиночество. Как плеснул ей в лицо кипящим маслом, услышав однажды отказ.

– Ты могла ее увести, отчего же не увела? – рассмеялась она и склонилась над девочкой.

– Я пыталась, но дети больше не верят снам... – горестно прошептала Идэ.

Эта история случилось весной, и казалось бы, ей не место в этой книге, среди рассказов о тех, кто собирает осеннюю жатву, забирает жизни, похищает детей и пирует на крови. Осень забирает свое, а весна отдает, щедро делится сокровищами, сбереженными в зимние холода... так ведь?

Не о жатве эта история – о прорастании семян. То, что до времени было скрыто, появляется на свет. Какими тайнами засеяна эта земля? Есть места, где лучше не задавать подобных вопросов.

Спросите, откуда мне знать, что все было именно так?

Тоирис мне рассказала. Старуха оказалась не прочь поболтать с тем, кто способен ее слышать.

Нас вызвали соседи. Как обычно и случается, когда они спохватились, было уже поздно что-то предпринимать. Нам оставалось только передать эстафету ребятам из убойного отдела, коронеру и прочим, кто по долгу службы тучным вороньем слетается на свежие трупы, сохраняя на лицах маски профессионально отточенного безразличия. Я ждал их, сидя на крыльце и безуспешно пытаюсь отдышаться после увиденного в доме. Мэтт вернулся к машине, когда там захрипела рация, повторяя наши позывные голосом дежурного. Тогда-то она неслышно возникла рядом, уселась, кутаясь в многочисленные юбки-лохмотья, покосилась на меня с интересом вздутыми бельмами глаз.

– Здравствуйте, бабушка, – со всей возможной почтительностью произнес я. Мама бы мной гордилась: всегда учила меня уважать старость, сколь бы безобразной она ни казалась. В детстве я опрометчиво пытался посмеяться над уродливой нищенкой в метро, и на всю жизнь запомнил мамин гнев по этому поводу. А ведь та нищенка не была и вполтину так плоха, как старая Тоирис.

Люди боятся смерти, а ведь смерть, пожалуй, далеко не самое худшее, что может случиться – так думал я, глядя на непрошеную собеседницу. Иногда смерть – это благословение, и если некто лишен его, на что обречен он, если не на бесконечное разложение и гниение? Та нищенка, долж-

но быть, давно умерла и безболезненно растворилась в окружающем мире, осела полезной органикой в желудках червей и протоплазме бактерий, или кто там еще у нас подвизается на нижних ступенях пищевой цепи...

Тоирис было уже лет триста, и ее гниение все продолжалось, перейдя из области материальной в нематериальную, и черт меня дери, если я знаю, как это вообще возможно. Гифы плесени сизым пушком покрывали ее лицо, зеленые склизкие пятна, напоминавшие лишайники, прихотливым узором расцвечивали шею и руки, едва заметно пульсируя. Я знал, что безобразный вид духа, скорее всего, лишь проекция, не самое достоверное отображение того, что увидели бы наши коллеги из убойного, вздумай они раскапывать погребенный где-то глубоко в подземелье труп несчастной. Но для этого кому-то следовало навести их на эту мысль. Я, например, не собирался.

– Заберете их, – это был не вопрос, а утверждение. – И детей тоже.

– Заберем, – кивнул я. – Так положено. – И зачем-то добавил: – Извините.

– Жаль, они бы славно вписались в компанию, – довольно искренне вздохнула старуха.

– И много вас здесь?

Старуха затрясла головой, то ли в странном жесте отрицания, то ли неловко имитируя человеческий смех.

– Много ли, мало, какое мне дело? Все не скучно старой

Тоирис и молодой Идэ. Деток мы особенно любим, детки сладкие, слаще гнилой картошки, и светятся потом в темноте их души долго-долго, лет полста, наверное. Ну ничего, скоро новые приедут, деток наделают. Всегда приезжают. Отчего не приехать, место хорошее. Для тех, кто не видит, как ты.

По мне, так место это было – хуже некуда. Я бы снес этот дом, будь это в моей власти. Пусть сто, двести лет стоит пустырем, пусть природа очистит себя сама, растворит и трансформирует черную гниль в цветущую зелень. Рано или поздно это происходит, главное – не мешать.

Тоирис рассказала мне свою историю, хоть я и не просил особенно, скорее, направлял ее репликами, исполненными вежливого интереса. Не знаю, сколько длился ее рассказ – время для духов порою течет по-особенному, и, разговаривая с ними, невольно подхватываешь их ритм. Кажется, краем глаза я видел, как Мэтт закрывает дверцу машины и разворачивается обратно ко мне. Кажется, на это простое действие у него ушло минут десять, по моим ощущениям.

Странное оцепенение, напавшее на нас обоих, вмиг рассыпалось, когда старуха в разговоре случайно коснулась моей руки своей скользкой холодной клешней. Я вздрогнул, отдернувшись, и она искривила лицо в презрительной гримасе, а в следующую секунду рядом уже никого не было.

– Детектив из убойного просит нас остаться для дачи показаний, – сказал Мэтт, сопровождая реплику кривой ухмылкой. Я чуть подвинулся, освобождая место на согретом

весеннем солнцем крыльце.

С этими ребятами стоит быть осторожнее – учуяв потенциальный «висяк», они рады будут спихнуть ответственность на кого угодно. Некомпетентные патрульные, мол, затоптали все улики, пока нас ждали. Лучше в дом вообще лишний раз не заходить.

Хотя какие улики они собирались тут найти, интересно. Никаких следов взлома, тела хозяев дома без признаков насильственной смерти. Кажется, однажды утром они просто решили не вставать с постели. Просто позволить плесени и мху прорасти сквозь тела. Если посмотреть на состояние тел, можно подумать, они пролежали так месяц или больше. Может, патологоанатом так и решит, если поленится провести детальный анализ. Если детективы не скажут ему, что соседи видели все семейство вполне живым еще на прошлых выходных, и забеспокоились только сегодня, когда запах начал просачиваться сквозь приоткрытые ставни.

Или если я не расскажу им, какие картины вспыхнули в моем сознании, когда к руке прикоснулась отвратительно мягкая плоть, материальная и нематериальная одновременно. Но я не расскажу, мне вовсе не улыбается прослыть законченным психом, верно?

Тем более, смерть самой Тоирис не имела никакого отношения к криминалу. Старуха умерла от голода, и судя по обрывочным картинкам, кружившим в моей голове, дело было никак не позже середины девятнадцатого века.

Все мы учили историю и знаем слова «Великий голод», An Gorta Mór, но для нынешних поколений это только слова. Не каждому удастся прикоснуться к живым воспоминаниям тех лет, пусть и хранящимся в мертвом теле. Да и нужна ли эта память ныне живущим? Новый век создает новые страшные сказки, на их фоне старые истории меркнут и кажутся наивными. Жила-была бедная кухарка, прислуживала богатым господам. Никогда не воровала, гордилась своей честностью, даже в самый голодный год не смела утащить и горсти катофельных очисток. Умирая от голода, она бредила и в бессвязной молитве обращалась к Деве Марии, но память подводила, и бедняжка то и дело сбивалась на иные слова, услышанные в далеком детстве. То ли молитва, то ли заговор, то ли проклятие. Обращение к Матери, но не той, что качала в колыбели младенца в Вифлееме. А может, и не было никакой другой, может, все они – одна Мать, начиная с той безымянной, что высекали из камня древние охотники, еще не знавшие языка и не плавившие железа?

Мэтт вынул сигарету и поспешно закурил, явно стараясь перебить табачным дымом призрак запаха, осевший в ноздрах. Я привычно стащил у него из кармана сигарету. Курю я очень редко и только «на халяву» – если угостят, например. Неплотно закрытая пачка в нагрудном кармане, безусловно, считается угощением, особенно если это карман напарника. Такие вот у меня представления о здоровом образе жизни и об этикете, все верно.

В конце концов, мы оба нуждались в том, чтобы как можно скорее стереть из памяти запах плесени.

– Вот что значит – экономить на обогревателях, – сказал я со смешком, и Мэтт посмотрел на меня, как на полного идиота, но ничего не сказал.

Жаль мне ребят из убойного – они долго еще строили версии об утечках токсичного газа и прочих вариациях на тему внезапной смерти. Никто ведь не поверит, что тела покрылись грибницей всего за одну ночь. Ни родители, ни дети не успели проснуться, чтобы умереть, и, может быть, так и соскользнули из яркого круговорота обыденных сумбурных сновидений в бесконечный кошмарный сон о подвале и живущей в нем старухе. Я надеюсь, что это не так, я не хочу знать, так ли это, потому что уверен: ни я, ни кто иной, ни даже целый отряд священников, вооруженных галлонами святой воды, не в силах что-либо изменить.

Когда я смотрю на тела, чьи контуры уже начал скрадывать мягкий пушок прорастающих спор и веточек мха, мне приходят мысли о заброшенных зданиях в глубине лесов, о руинах предыдущих цивилизаций, о спрятанных в южноамериканских джунглях разрушенных храмах богов, чьи имена мы теперь даже не умеем правильно произносить. О снесенных ураганами дамбах и электростанциях на побережье Штатов, о радиоактивной флоре, сомкнувшейся над куполом разрушенной атомной станции где-то в бывшем Союзе. Я думаю о том, как Природа всегда возвращает свое.

Я думаю о том, как самонадеянно мы носимся с мыслью, что являемся чем-то большим, нежели остальные Ее дети. Неоязычники двадцать первого века рады звать ее Матерью, но разве мать всегда бывает ласкова к своим созданиям?

В городе у меня, как и у многих других, была почти стерильная квартира, безликая ячейка в человеческих сотах, пропитанная парами вездесущей бытовой химии – все эти порошки, кондиционеры, ароматизаторы. Пластик и металл. Но теперь я живу в старом доме, и иногда по ночам мне кажется, будто я слышу, как прорастают сквозь стены невидимые, трепетные нити: гифы плесени, корни лиан. Медленно и неостановимо, как само течение жизни и смерти, как растет ребенок в утробе матери.

Мы с ужасающей наивностью относим рост, развитие и размножение к философской, или, вернее, этической категории «хорошего» – но с яростью хозяина, прогоняющего с территории непрошенных захватчиков, боремся с ростом всего, что нарушает стерильные рамки запланированного.

Цивилизация, увлеченная «мужской» идеей прогресса, не может справиться с глубинным страхом перед чисто женским таинством прорастания зерна в плодородной почве – или в темном подвале человеческого тела. Этот страх всегда с нами, в наших сказках и научных теориях, с того самого момента, как ножницы акушера перерезают пуповину.

Я думаю о том, как часто в народных сказаниях Смерть приходит в женском обликии, и не вижу здесь противоречия.

Если отказаться от идеи противопоставления двух полюсов, и перейти к идее взаимопревращения всего в цикле жизни и смерти, мир становится неопишимо прекраснее.

Я принимаю мир таким, какой он есть, не разделяя вещи и явления на категории «добрых» и «злых», и только поэтому я еще не сошел с ума. Делаю то, что могу, не жалею о том, что за гранью моего понимания, и неизменно улыбаюсь, когда вижу восход солнца.

Но когда я слышу слова «Мать-Природа», случается порой, что перед моим внутренним взором встает образ старой Тоирис: в облаке удушливого запаха, в дымке беспрестанно рассеиваемых спор, в белесом ореоле тонких, невесомых нитей грибницы.

7. Inguz (Зерно)

Одеяло из «бля, овцы» определенно его преследовало. Когда Мэтт на вторую ночь тихо смылся из спальни, устроившись на кушетке в углу кухни, он точно не брал с собой этот культовый предмет, однако едва солнечные лучи заскользили по его лицу, заставив поморщиться и приоткрыть глаза, одеяло уже было тут как тут, раздражая щеку грубой шерстяной фактурой, а запахом навевая мысли о славных многовековых традициях скотоводства.

Лучи солнца, безнадежно пытавшиеся пробиться сквозь заслонки век, оказались разноцветными. Витраж из множества цветных осколков стекла дробил их на россыпь ярких пятен, превращая комнату в шизофренически яркий калейдоскоп танцующих бликов. Будто все оттенки спектра, которые Мэтт еще не успел водворить на законные места в своем сознании, решили разом навалиться на него, едва дождавшись пробуждения «жертвы». В этом разноцветье он не сразу заметил порхающий у плиты силуэт.

После всех странных видений и разговоров, а особенно после чтения книги Дэвида, у Мэтта сложилось определенное представление о том, как должен выглядеть призрак. И если невнятный белый силуэт, бродящий по тропинкам в вечернем тумане, этому представлению вполне соответствовал, то длинное разноцветное платье, навевавшее мысль

о безвозвратно ушедшей эпохе хиппи, никак не приличествовало статусу серьезного призрака.

Промелькнувшая было мысль о приходящей экономке была гораздо рациональнее, но тут же угасла – Дэвид ясно сказал, что никакой прислуги не держит. Может, очередная поклонница примчалась скрасить его одиночество?

Незнакомка обернулась, полыхнув на солнце россыпью рыже-золотистых кос. Мэтт замер в своем шерстяном плену, не в силах стряхнуть странное оцепенение. В лице ее проследивалось отчетливое сходство с нынешним хозяином дома, хоть принадлежность к прекрасному полу и смягчала черты.

Мэтт попытался вспомнить, не говорил ли Дэвид о своих сестрах. Кажется, упоминал только двоюродных братьев, но...

– Пирог уже готов, – мелодично произнесла, почти пропела женщина, с веселым интересом рассматривая Мэтта. – Хочешь моего пирога?

«Люди, попавшие в страну мертвых, ни за что не вернутся назад, если отведают местной еды.

А ты точно уверен, что хочешь вернуться?»

– Спасибо, – он наконец нашел в себе силы ответить, хотя тело по-прежнему оставалось пугающе неподвижным. – Мне хватает и одного запаха.

Аромат выпечки действительно плыл по кухне, и это

окончательно убедило Мэтта, что он спит или, может быть, грезит на границе сна и реальности. Плита еще вчера пылилась в углу, неиспользуемая, как и добрая половина предметов в доме. А сегодня это чудесное видение вынимало из вычищенной до блеска духовки пирог на подносе. Мозаика реальности вновь не желала складываться, рассыпалась на осколки цветного стекла.

«Сон так сон, отчего бы и нет».

– Значит, хочешь вернуться, – кивнула незнакомка, эхом повторяя его мысли и тем самым подтверждая нереальность происходящего. – Кто ждет тебя на той стороне, жена?

– И дочери, – со вздохом подтвердил Мэтт. Медовые глаза женщины смотрели на него в упор, будто проникая прямо в череп, и он продолжил, сам не зная, зачем: – Так стыдно, я почти не скучаю по ним, а ведь знаю, что должен. Может, оно и к лучшему. Я ведь плохой отец. Никогда не умел брать на себя ответственность. Когда узнал, что у Мэл будет двойня, напился до беспамятства. Мне представлялось, что с рождением ребенка все изменится, что я должен буду стать безупречным примером и надежной опорой, и прочее в том же духе... А тут вышло, что от меня потребовали этой самой безупречности в двойном объеме, представляешь?

«Лучше бы это все действительно оказалось сном», – мысленно выдохнул он, едва незнакомка отвела взгляд и давя-

щее ощущение исчезло.

Мэтт ждал от собеседницы ехидства или осуждения, или фальшивого сочувствия, наспех вынутого из шкатулки социально приемлемых реакций. Но та, казалось, несколько не впечатлилась его откровениями. Отвернувшись вполоборота к окну, она посмотрела сквозь витраж куда-то вдаль.

– Ничего удивительного, ведьмы рода Кайтлер всегда рожают двойню. Одну дочь они издавна посвящают Селене, вторую – Диане, а третья, нерожденная, сразу присоединяется к свите Гекаты Трехликой, и через нее ведьма обретает силу. Тебе не стоит печалиться, это ведь не твои дочери. В них нет ни капли твоей крови, она зачала их в означенное время под черной луной, от кого-то из своих мерзких родичей.

Мэтт дернулся, пытаясь стряхнуть оцепенение, и сел на кушетке, проснувшись окончательно. Плита все так же пылилась в углу, заваленная коробками. Никаких витражей в окне, конечно, не наблюдалось, сквозь простое оконное стекло неохотно пробивался рассеянный свет самого обыкновенного пасмурного утра.

– Мне от этого одеяла кошмары снятся, – сообщил он Дэвиду, обнаружив того в гостиной. Скомкал «заколдованный» предмет и швырнул в товарища. Тот поймал на лету, демонстративно обнял бесформенный шерстяной ком и прижал к себе.

– Это древняя реликвия моей семьи, чтоб ты знал!

По крайней мере, я под ним еще в детстве спал.

– Вот-вот, оно и заметно.

О витражах и солнцезолосых девах на кухне Мэтт разговор заводить не стал. Что толку обсуждать сновидения, пусть даже и столь реалистичные? Он слышал где-то краем уха, что вспомнить во сне, что спишь – желанное умение для многих, признак духовного развития и так далее... С ним такого раньше не случалось, но кто знает, в какие причудливые узоры сплелись нейронные сети в его мозгу после всего пережитого?

Игры подсознания, вот что это такое. Сны строятся из фрагментов реальных впечатлений и картин, перемешанных, как мозаика. К черту мозаику, и, кстати, к черту все эти навязчивые образы – мозаика, калейдоскоп, витражи.

...Разноцветные витражи украшали больничный коридор, ведущий к храмовой пристройке. Самое тихое место в дурдоме. Но чтобы попасть туда, нужно было еще заслужить право самостоятельно передвигаться по коридору. Приходилось постигать негласные законы, установленные всемогущей когортой сестер милосердия. Впрочем, тогда Мэтт не слишком утруждал себя попытками...

Ночной дождь неведомо как просочился сквозь крышу, украсив потолок в спальне влажными пятнами. Дэвид с невинным видом сообщил, что прошлой зимой он все собирался подлатать крышу, но оказалось проще поставить па-

ру кастрюль в «стратегически важных» местах верхних комнат.

– Как ты вообще дожил до своих лет, хотел бы я знать, – проворчал Мэтт и полез на чердак – искать течь.

Пыльная и темная комната под самой крышей, казалось, тоже некогда была жилой, но стараниями нескольких поколений превратилась в свалку то ли ценного антиквариата, то ли бессмысленного хлама. Мэтт осторожно пробирался меж коробок и свертков, подсвечивая путь карманным фонариком. Течь наверняка выдадут влажные пятна, а то и круги плесени, нужно только внимательно смотреть вокруг. Он пытался сначала увидеть лучики света, указывающие на трещины, но не слишком преуспел. Протекать могло и на стыках плит, в конце концов.

Под ногами что-то захрустело. Мэтт остановился и осветил пол перед собой. Душная мгла чердака тут же заискрилась разноцветными бликами: луч фонаря скользил по россыпи цветного стекла. Рассохшаяся от времени деревянная рама витража валялась поблизости. Возможно, когда-то ее аккуратно сняли при ремонте и отправили на чердак в надежде сохранить до следующего ремонта, но, как это нередко бывает, время внесло свои коррективы. Время или крысы, или птицы, или духи окрестных холмов, которым не понравились христианские мотивы орнамента.

«А ты спроси у Дэвида, было ли такое. Был ли у них вит-

раж на кухне».

Он наклонился и сгреб горсть осколков, а затем бездумно ссыпал их в карман.

Спускаться почему-то было гораздо тяжелее, нежели подниматься. Шаткая приставная лестница тряслась под его шагами, и в какой-то момент Мэтт подумал, что она сейчас повернется и соскользнет с покатога края крыши.

Дэвид бесшумно появился внизу, и будто невзначай облокотился на одну из ступенек. Лестница тут же волшебным образом перестала шататься и застыла, точно высеченная в камне.

От этой его ненавязчивой заботы хотелось зарыться под землю. Или двинуть в морду. И ведь, черт возьми, он был совершенно прав, от этого становилось еще мутнее на душе.

– Пятен я не нашел, думаю, надо промазать все стыки, и возле каминной трубы заодно подлатать. Сейчас передохну и сверху еще погляжу, может, пару плиток заменим и все.

– Откуда такая жажда деятельности? – Дэйв иронически прищурился.

– Не хочу быть нахлебником, – отпихнув его, Мэтт спрыгнул на землю. – Ощущение зависимости от кого-то, оказывается, просто невыносимо. Раз уж ты меня не отпускаешь, буду хотя бы отрабатывать хлеб и проживание.

– Что за бред. Ничего ты не должен отрабатывать. А насчет того, что я тебя не отпускаю... Да езжай к родителям,

сколько угодно. Ты взрослый человек, я не смею тебе указывать, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.